

## **Жизнь Арсеньева**

### **Книга третья.**

#### **I**

Та страшная весенняя ночь въ Васильевскомъ памятна мнѣ тѣмъ болѣе, что она была наканунѣ похоронъ.

Я заснулъ въ эту ночь лишь подь утро. Я не въ силахъ былъ вернуться въ домъ сразу, — слишкомъ зловѣще темнѣли въ звѣздномъ свѣтѣ его очертанія и чернѣла возлѣ крыльца крышка гроба, слишкомъ дико противорѣчило все это тому, что переполняло мое сердце. Я ушелъ въ поле, долго шель въ темнотѣ куда-глаза глядятъ, дошелъ чуть не до Знаменья . . . Вернулся я, когда на востокѣ уже бѣлѣло и по всему селу пѣли пѣтухи, прокрался въ домъ тѣмъ-же заднимъ ходомъ и тотчасъ заснулъ. Однако, вскорѣ начала тревожить сквозь сонъ мысль о близости какихъ-то особенно важныхъ минутъ, и я вдругъ опять вскочилъ, не проспавъ и трехъ часовъ. Домъ все еще дѣлился на два совершенно разныхъ міра: въ одномъ была смерть, былъ залъ съ гробомъ, въ другомъ же, то есть во всѣхъ прочихъ комнатахъ, со всѣхъ сторонъ отдѣленныхъ отъ него закрытыми дверями, какъ попало шла наша безпорядочная жизнь, нетерпѣливо ждущая роковой развязки этого безпорядка. Я проснулся съ рѣзкимъ чувствомъ того, что развязка наконецъ настала, и былъ немало удивленъ, увидавъ, что братъ, спавшій со мной въ кабинетѣ покойнаго, равнодушно курить, сидя въ одномъ

бѣлъ на диванѣ, съ котораго до полу сползла смятая простыня, межъ тѣмъ какъ по корридору за дверью уже поспѣшно ходили, слышались голоса, какіе-то короткіе вопросы и такіе-же отвѣты. Вошла Марья Петровна, старшая горничная, внесла поднось съ чаемъ, молча поклонилась, не глядя на насъ, и, поставивъ поднось на письменный столъ, озабоченно вышла. Я, дрожащими руками, сталъ одѣваться. Въ кабинетѣ, оклеенномъ старенькими золотистыми обоями, было все просто, буднично и даже весело, плавалъ, говоря о нашей мужской утренней жизни, пахучій папиросный дымъ. Братъ курилъ и разсѣянно посматривалъ на тѣ самыя кавказскія туфли Писарева, въ которыхъ я видѣлъ его, во всей его бодрой цыганской красотѣ, двѣ недѣли тому назадъ, и которыя мирно стояли теперь подъ письменнымъ столомъ. Я тоже взглянулъ на нихъ, и все еще больше спуталось въ моей головѣ: да, подумалъ я, его уже нѣтъ, а вотъ туфли все стоятъ и могутъ простоять еще хоть сто лѣтъ! И гдѣ онъ теперь и гдѣ будетъ до скончанія вѣковъ? И неужели это правда, что онъ уже встрѣтился гдѣ-то тамъ, въ какомъ-то иномъ мірѣ, со всѣми нашими давнымъ давно умершими, сказочными бабушками и дѣдушками, и кто онъ такой теперь — духъ или просто моя мысль о немъ? Неужто это онъ — то ужасное, что лежитъ въ залѣ на столахъ, въ этихъ вкось расходящихся краяхъ гробового ящика, противоестественно озаряемое среди бѣла дня тупымъ огнемъ до короткихъ обрубковъ догорѣвшихъ свѣчей, густо закапавшихъ и просалившихъ зубчатую бумагу, окружающую ихъ на высокихъ серебряныхъ ставникахъ, — онъ, который всего позавчера, вотъ въ такое же утро, входилъ съ только что расчесанной и еще свѣжей послѣ умыванья черной бородой къ женѣ въ сосѣдную комнату, на полу которой черезъ полчаса послѣ того уже обмывали его голое, еще почти живое, податливо и безсильно падающее куда угодно тѣло? И все таки это онъ, подумалъ я, и это нынче, вотъ сейчасъ, произойдетъ съ нимъ

то послѣднее, страшное, церковное, съ чѣмъ онъ, казалось, ни въ малѣйшей мѣрѣ не имѣлъ ничего общаго при жизни, то самое дивное въ мірѣ, въ чемъ я буду участвовать впервые за все свое молодое существованіе, то есть переживать осуществленіе тѣхъ самыхъ необыкновенныхъ словъ, которыя я, въ гимназій, долженъ былъ зачѣмъ-то заучивать наизусть: «Черезъ трое сутокъ по кончинѣ христіанина слѣдуетъ его выносъ во храмъ... Приготовленіемъ къ сему служить, при стеченіи близкихъ, друзей и сродниковъ усопшаго, усиленные кажденія вокругъ него и пѣніе тропарей о его упокоеніи до Страшнаго Суда Господня и возстанія всѣхъ мертвыхъ отъ гроба...» Я съ великимъ изумленіемъ подумалъ вдругъ, что этотъ самый христіанинъ и есть въ данную минуту Писаревъ, и ужаснулся тому безконечному сроку, который еще остается ему и всѣмъ намъ до этого возстанія, послѣ котораго будто бы начнется и во вѣки вѣковъ будетъ длиться что-то уже совершенно невообразимое, не имѣющее ни смысла, ни цѣли и никакихъ сроковъ...

## II

Выносъ я наблюдалъ жадно и трепетно. Работники, празднично сытые и чистые, были сильны и молоды, но съ какимъ неловкимъ и боязливымъ напряженіемъ, отворачивая головы, сдвинули они со столовъ и на бѣлыхъ полотнищахъ подняли свой тяжкій грузъ, когда настала наконецъ послѣдній часъ разлуки Писарева съ роднымъ домомъ и всѣмъ міромъ! Миѣ опять показалось тогда, что въ этомъ огромномъ бархатно-фіолетовомъ ящикѣ съ мерзкими серебряными лапками лежитъ нѣчто священное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и непристойно-земное, непотребное. Это нѣчто, съ покорно скрещенными и закаменѣвшими въ черныхъ сюртучныхъ обшлагахъ руками, деревянно покачивающее мертвой головою, низко и наклонно поплыло по чужой волѣ надъ поломъ, среди тѣсноты, празд-

ничныхъ ризъ, ладана и нестройнаго пѣнія, ногами къ настѣжъ раскрытымъ дверямъ, — да никогда не переступятъ онѣ вновь порога этого дома! — сперва въ прихожую, потомъ на крыльцо, на яркій свѣтъ и зелень весенняго двора, гдѣ надъ толпой высилось Распятіе и два мужика держали на головахъ крышку гроба. Тутъ работники пріостановились, оттягивая полотнищами свои густо покраснѣвшія шеи, причтъ запѣлъ громче, — «въ знаменіе того, что усопшій переходитъ въ царство безплотныхъ духовъ, окружающихъ престолъ Вседержителя и немолчно воспѣвающихъ Ему трисвятую пѣснь», — а съ верхушки колокольни, глядѣвшей изъ-за надворныхъ построекъ прямо противъ крыльца и медленно ронявшей до этой минуты тонкіе, жалобные и все строже густѣвшіе звуки, вдругъ рѣзко сорвалась короткая, нарочито нелѣпая, трагическая разноголосица баса и альты, на которую дружнымъ и нестройнымъ лаемъ и воемъ отвѣтили испуганныя борзья и гончія, наполнявшія дворъ. Это было такъ безобразно, что сестра въ своемъ длинномъ крепѣ зашаталась и зарыдала, бабы въ толпѣ заголосили и отецъ, тоже неловко поддерживавшій гробъ, весь исказился отвращеніемъ и болью...

Въ церкви я все смотрѣлъ на трупный ликъ покойника, лежавшаго какъ разъ противъ царскихъ вратъ, подѣ круглымъ глухимъ куполомъ, разрисованнымъ каменными сизыми облаками, среди которыхъ, изъ грубаго снѣгаго треугольника, продолговатаго, жестко и загадочно взирало Всевидящее Око. Шло уже отпѣваніе, и ликъ этотъ, съ его обострившимся носомъ, черной сквозящей бородой и такими же усами, подѣ которыми блестѣли плоскія слипшіяся губы, былъ уже могильно увѣнчанъ пестрымъ бумажнымъ вѣнчикомъ. Я смотрѣлъ, думая: онъ похожъ теперь на древняго великаго князя, онъ теперь навѣки пріобщенъ какъ бы къ лику святыхъ, къ сонму всѣхъ праотцевъ и пращуровъ нашихъ... Надъ нимъ уже пѣли: «Блаженны непорочніи, въ путь ходящія въ законѣ Гос-

поднѣ», я же, съ мукой и болью за него и съ умиленіемъ за себя, думалъ приблизительно такъ: вотъ сейчасъ всунуть въ его тугіе пальцы съ почернѣвшими ногтями «отпускъ», польютъ его «елеемъ», крестообразно посыплютъ «перстыю», покроютъ кисеей и крышкой, вынесутъ и закопаютъ, и уйдутъ и забудутъ, и пойдутъ годы, и будетъ длиться моя долгая и счастливая жизнь гдѣ-то тамъ, въ моемъ туманномъ и свѣтломъ будущемъ, а онъ, или, вѣрнѣе, его черепъ и кости все будутъ лежать и лежать въ землѣ за этой церковью, въ высокой травѣ подъ березкой, которую нынче посадятъ въ возглавіи его могилы и которая станетъ нѣкогда большимъ и прекраснымъ бѣлоствольнымъ деревомъ со своей низко струящейся и сладко трепещущей въ долгій дѣтній день сѣро-зеленой верхушкой... Воздавая ему «последнее цѣлованіе», я коснулся вѣнчика губами — и, Боже, какимъ холодомъ и смрадомъ пахнуло на меня въ эту страшную минуту и какъ потрясла меня своей ледяной твердостью темно-лимонная кость лба подъ этимъ вѣнчикомъ, въ непостижимую противоположность тому живому, весеннему, теплomu, чѣмъ такъ сладко и просто вѣяло въ рѣшетчатая окна церкви!

Я пристально глядѣлъ потомъ, стоя за церковью, среди старыхъ могильныхъ плитъ и памятниковъ всякихъ бригадировъ и секундъ-майоровъ, въ глубокую и узкую яму, тускло и угрюмо блестящую своими твердо и ровно обрѣзанными боками: грубо и беспощадно летѣла туда, поспѣшно сыпалась сырая, первобытная земля на фиолетовый бархатъ, на крестъ изъ бѣлаго позумента. Мигъ хотѣлось кощунственно ожесточить себя, я вспоминалъ холодное Всевидящее Око въ каменно-облачномъ небѣ церковнаго купола, думалъ о томъ несказанномъ, что будетъ въ этомъ гробу черезъ недѣлю, даже пытался увѣрить себя, что вѣдь будетъ въ нѣкій срокъ и со мной то же самое... Но вѣры въ это не было ни малѣйшей, могилу уже сравнивали съ землею, на Анхень было новое ба-

тистовое платьице, ласково и беззавѣтно, все разрѣшая и во всемъ обнадеживая, звучало послѣднее пѣснопѣніе, опять праздничное, опять Христово, терявшееся въ тепломъ солнечномъ воздухѣ... Міръ сталъ какъ будто еще моложе, свободнѣе, шире и прекраснѣе послѣ того, какъ кто-то навѣки ушелъ изъ него...

### III.

Когда возвращались съ кладбища, сестра шла, спотыкаясь, прижимая платокъ къ глазамъ, ничего не видя передъ собою. Но отецъ крѣпко держалъ ее подъ локоть и, приноравливаясь къ ея шагу, настойчиво говорилъ ей все то пустое, милое, что споконъ вѣку говорятъ въ такихъ случаяхъ:

— Душа моя, утѣшать тебя бесполезно, но одно скажу: помни, что отчаяніе есть смертный грѣхъ, что ты не одна въ мірѣ, что у тебя есть люди, безконечно любящіе тебя, что у тебя есть дѣти, дающія тебѣ высокую цѣль въ жизни, и главное, что ты такъ еще молода, что у тебя все впереди...

И я вдругъ понялъ съ какимъ-то острымъ умиленіемъ, что вѣдь и правда ей всего двадцать пять лѣтъ, что она хороша собой, а теперь, въ траурѣ, ужасно похудѣвъ и поблѣднѣвъ за эти дни, похорошѣла и помолодѣла еще болѣе, стала опять совсѣмъ какъ дѣвушка...

Возлѣ отца шелъ, держа въ рукахъ дворянскій картузь, его старый другъ, круглый и плотный помѣщикъ, очень загорѣлый и вдобавокъ очень смуглый отъ природы, у котораго были какія-то золотисто-табачныя пятна на желтоватыхъ бѣлкахъ карихъ глазъ, съ самаго дѣтства занимавшія меня. Ему было жарко отъ непривычнаго ему сюртука, отъ крахмальной рубашки, отъ своей крѣпкой иолноты и тѣхъ чувствъ, которыя волновали его. И онъ, свистя легкими отъ поспѣшности и удушья, говорилъ то же, что и отецъ:

— Вѣра Петровна, позвольте и мнѣ сказать: я покойному вторымъ отцомъ былъ по смерти его батюшки, я его и крестилъ, и вырастилъ, и подъ вѣнецъ съ вами благословлялъ, — вы понимаете, что я испытываю... Потомъ, вы вѣдь знаете: я и самъ рано овдовѣлъ... Но Александръ все-таки тысячу разъ правъ. Знаете, какъ говорить мужики? «Смерть какъ солнце, на нее не глянешь...» Да, не глянешь, и не надо глядѣть, иначе нельзя жить... Мнѣ вотъ стыдно, что его нѣту, а я все иду и хриплю, да развѣ это наша воля?

И я смотрѣлъ на его крупную стриженую сизосеребристую голову съ широкимъ затылкомъ, на старое, истончившееся обручальное кольцо на его смуглой маленькой рукѣ, — память о томъ, что и онъ когда-то любилъ, былъ молодъ и счастливъ... Я смотрѣлъ и чувствовалъ, что и всѣмъ намъ въ той или иной мѣрѣ стыдно, неловко, а все таки безконечно сладко возвращаться къ жизни послѣ той ужасной обузы, которая тяготѣла на насъ цѣлыхъ три дня, и ловилъ себя на томъ, какъ мнѣ приятно ступать по мягкой весенней землѣ, итти съ раскрытой головой подъ грѣющимъ солнцемъ, слушать непрестанный, разногolosый крикъ грачей, съ буйнымъ и страдальчески-счастливымъ упоеніемъ орущихъ и хлопочущихъ во всѣхъ окрестныхъ садахъ, глядѣть какими-то новыми, чуть не влюбленными глазами на сестру, на ея трауръ, на красоту ея молодости и горя, думать съ замираніемъ сердца, что у насъ съ Анхенъ назначено нынче свиданіе въ низахъ сада...

Домъ тоже точно помолодѣлъ, освободившись отъ хозяина. Всѣ полы и стекла были въ немъ вымыты, всюду было прибрано и настежь раскрыты окна на солнце и воздухъ. Едва переступивъ порогъ зала, гдѣ были разставлены и убраны столы для поминальнаго обѣда, я тотчасъ же опять встрѣтилъ тотъ ужасный, ни на что въ мірѣ не похожій запахъ, который все утро сводилъ меня съ ума возлѣ гроба. Но запахъ этотъ какъ-то особенно возбуждающе мѣшался съ сыростью еще темныхъ отъ воды по-

ловъ и съ весенней свѣжестью, отовсюду вѣявшей въ домъ, и празднично, для пира жизни, а не смерти, блестяли на столахъ скатерти, приборы, рюмки и графины... Все же какъ ужасень былъ этотъ долгій и грубо обильный обѣдъ, который то и дѣло прерывали своими уже нескладными, хмельными голосами причетники, встававшіе и умиленно пѣвшіе вѣчную память непонятному существу, только что зарытому ими въ землю за церковью! Правъ былъ отецъ, говоря мнѣ за обѣдомъ:

— Знаю, знаю, душа моя, каково тебѣ теперь! Мы то ужъ всѣ обстрѣяны, а вотъ ты, на порогѣ жизни да еще съ такимъ несовременнымъ сердцемъ, какъ у тебя... Воображаю, что ты чувствуешь!

#### IV.

Послѣ похоронъ я пробылъ въ Васильевскомъ еще съ полмѣсяца, продолжая находиться все въ томъ же обостренномъ и двойственномъ ощущеніи той самой жизни, непостижимый и ужасный конецъ которой я только что видѣлъ воочию.

Мнѣ въ тѣ дни было тѣмъ мучительнѣй, что предстояло пережить еще одно испытаніе — разлуку съ уѣзжавшей домой Анхенъ (хотя я и въ этомъ находилъ какую-то пронзительно-горькую утѣху, побужденіе къ какой-то безнадежно-счастливой, весенней отвагѣ).

Отецъ и Петръ Петровичъ рѣшили, ради сестры, остаться въ Васильевскомъ еще на нѣкоторое время. Остался и я съ ними — и не только ради Анхенъ, страсть къ которой усиливалась во мнѣ съ каждымъ днемъ: мнѣ зачѣмъ-то хотѣлось длить тѣ двойственныя чувства, которыя владѣли мной и заставляли не разставаться съ «Фаустомъ», какъ нарочно попавшимъ тогда въ мои руки среди писаревскихъ книгъ и совершенно плѣнившимъ меня:



Потоками жизни, въ разгарѣ дѣяній,  
Невидимый, видимо всюду присущій,  
Я радость и горе,  
Я смерть и рожденье,  
Житейскаго моря  
Живое волненье —  
На шумномъ станкѣ мірозданья  
Отъ вѣка спую безъ конца  
И въ твари и въ нѣдрахъ созданья  
Живую одежду Творца . . .

Двойственна была и жизнь въ Васильевскомъ. Она была еще обвѣяна большой грустью, но какъ-то удивительно быстро приходила опять въ порядокъ, пріобрѣтая что-то особенно пріятное вслѣдствіе тѣхъ перемѣнъ, которыя въ ней произошли и происходили среди расцвѣтающей и крѣпнущей весенней красоты. Всѣ чувствовали, что пора возвращаться къ жизни съ новыми и даже удвоенными силами. Каждый день продолжали мыть полы и держать открытыми окна въ залѣ, чтобы изгнать изъ него послѣдніе слѣды смертнаго запаха. Поддерживали особую чистоту и во всемъ домѣ, многое измѣнивъ въ немъ, — убравъ на чердакъ нѣкоторую слишкомъ старую мебель, кое-что переставивъ изъ комнаты въ комнату, устроивъ сестрѣ новую спальню возлѣ дѣтской, а прежнюю, супружескую, за маленькой гостиной, совсѣмъ упразднивъ и сдѣлавъ изъ нея просторную диванную . . . Потомъ куда-то попрятали почти всѣ вещи покойнаго, — я разъ видѣлъ, какъ возлѣ задняго крыльца чистили щетками и складывали въ большой старинный сундукъ его дворянскій муцирѣ, картузь съ краснымъ околышемъ, пуховую треуголку . . . грѣло солнце, зеленѣла загустѣвшая передъ крыльцомъ трава, молодая горничная что-то оживленно говорила Марѣ Петровнѣ, наклонившейся надъ сундукомъ, а маленькій Митя стоялъ возлѣ нихъ, глубоко надѣвъ эту треуголку себѣ на голову и пытаясь вытащить изъ но-

жень тонкую шпагу... Новые порядки начались и въ хозяйствѣ: имъ распоряжались теперь отецъ и Петръ Петровичъ, и на дворнѣ, какъ всегда это бываетъ между господами и работниками на первыхъ порахъ, всѣмъ хотѣлось усердно подчиняться имъ, надѣяться, въ силу этой новизны, что все пойдетъ теперь какъ-то по-иному, по-настоящему. Это меня, помню, очень трогало. Всего же трогательнѣй было постепенное возвращеніе къ жизни сестры, то, какъ она понемногу приходитъ въ себя, становится все спокойнѣе и проще и уже иногда слабо улыбается за столомъ глупымъ и милымъ вопросамъ дѣтей, а Петръ Петровичъ и отецъ сдержанно, но неизмѣнно ласковы и внимательны къ ней...

И удивительно скоро мелькали для меня эти горестно-счастливые дни. Разставшись поздно вечеромъ съ Анхенъ, сладко замученный безконечнымъ прощаніемъ съ ней, я, придя домой, тотчасъ же проходилъ въ кабинетъ и засыпалъ мертвымъ сномъ съ мыслью о завтрашнемъ свиданьи. Утромъ я поспѣшно пилъ чай и нетерпѣливо сидѣлъ съ книгой въ рукахъ въ солнечномъ саду, ожидая той минуты, когда можно будетъ опять бѣжать за рѣку, чтобы увести Анхенъ куда-нибудь на прогулку. Въ эти часы всегда гуляли съ нами дѣвочки, младшія дочки Виганда, но онѣ всегда бѣжали впереди, не мѣщали намъ... Въ полдень я возвращался домой къ обѣду, послѣ обѣда перечитывалъ «Фауста», читалъ зачѣмъ-то исторію Англіи Макколея, старый «Вѣстникъ Европы»—и ждалъ вечерней встрѣчи... По вечерамъ въ низахъ сада свѣтила молодая луна, таинственно и осторожно пѣли соловьи. Анхенъ, забывъ свою прежнюю стыдливость, садилась ко мнѣ на колѣни, обнимала меня и я слышалъ стукъ ея сердца, впервые въ жизни чувствовалъ блаженную тяжесть женскаго тѣла...

Она наконецъ уѣхала. Никогда еще не плакалъ я такъ неистово и обильно, какъ въ тотъ день. Но съ какой нѣжностью, съ какой мукой сладчайшей любви къ міру, къ

жизни, къ тѣлесной и душевной человѣческой красотѣ, ко орую, сама того не вѣдая, открыла мнѣ Анхень, плакала я! А вечеромъ, когда, уже отупѣвъ отъ слезъ и затихнувъ, я опять зачѣмъ-то брелъ за рѣку, обогналъ меня тарантасъ, отвозившій Анхень на станцію, и кучеръ, пріостановившись, подалъ мнѣ номеръ петербургскаго иллюстрированнаго журнала, въ который я, съ мѣсяць тому назадъ, впервые послалъ стихи. Я на ходу развернулъ его — и меня точно молніей ослѣпили такъ и ударившія мнѣ въ глаза волшебныя буквы моего имени . . .

На другой день, рано утромъ, я пѣшкомъ ушелъ въ Батурино. Шелъ сперва сухимъ, уже накатаннымъ проселкомъ, среди блестящихъ въ утреннемъ пару пашень, по которымъ, покачиваясь, ходили съ кошелками черезъ плечо и обнаженными головами сѣявшіе мужики, потомъ по росистой межѣ къ писаревскому лѣсу, потомъ по лѣсу, солнечному, свѣтло-зеленому, полному весенней жизни и птичьяго пѣнья, прошлогодней гнѹющей листвы и первыхъ ландышей . . . Когда я явился въ Батурино, мать даже руками всплеснула, увидавъ мои уже совсѣмъ пробившіеся усы, худобу и выраженіе обрѣзавшихся глазъ. А я, поцѣловавъ ее, молча подалъ ей журналъ и пошелъ въ свою комнату мыться и переодѣваться, шатаюсь отъ усталости и не узнавая знакомаго дома, дивясь тому, какой онъ сталъ маленькій и старый . . .

## V.

Въ ту весну мнѣ шелъ всего шестнадцатый годъ. Во мнѣ оставалось еще очень много дѣтскаго, наивнаго, пылкаго, простосердечнаго. Про меня уже говорили, что я «слишкомъ высокаго о себѣ понятія», что я рѣзокъ и даже надмененъ въ сужденіяхъ, въ обращеніи съ людьми . . . И правда, все это въ извѣстной мѣрѣ было. Но вѣдь и это указывало только на мое ребячество. Однако, воротаясь въ

Батурино изъ Васильевскаго, я уже совсѣмъ утвердился въ мысли, что вступленіе мое въ полноправную, совершеннѣйшую жизнь завершилось.

Мнѣ еще зимой казалось, будто я уже знаю многое, необходимое всякому взрослому человѣку: и устройство вселенной, и какой-то ледниковый періодъ, и дикарей каменнаго вѣка, и жизнь древнихъ народовъ, и нашествіе на Римъ варваровъ, и кievскую Русь, и открытіе Америки, и французскую революцію, и байронизмъ, и романтизмъ, и людей сороковыхъ годовъ, и Желябова, и Побѣдоносцева, не говоря уже о множествѣ навѣки вошедшихъ въ меня лицъ и жизней вымышленныхъ, со всѣми ихъ чувствами и судьбами, то есть всѣхъ этихъ тоже будто бы всякому необходимыхъ Гамлетовъ, Донъ-Карлосовъ, Чайльдъ-Гарольдовъ, Онѣгиныхъ, Печориныхъ, Рудиныхъ, Базаровыхъ . . . Теперь жизненный опытъ мой казался мнѣ огромнымъ. Я воротился смертельно усталый, но съ крѣпкой готовностью начать жить отнынѣ какой-то уже совсѣмъ «полной» жизнью. Въ чемъ должна была состоять эта жизнь? Я полагалъ, что въ томъ, что бы испытывать среди всѣхъ ея впечатлѣній и своихъ любимыхъ дѣлъ какъ можно больше какихъ-то высокихъ поэтическихъ радостей, на которыя я считалъ себя имѣющимъ даже какое-то особенное право. «Мы въ жизнь вошли съ прекраснымъ упованьемъ . . .» Съ прекраснымъ упованьемъ входилъ и я въ нее. Еще зимой, когда я такъ много читалъ, постоянно примѣняя то, что читалъ, къ себѣ, я однажды занесъ въ свою записную тетрадь, приобщилъ къ числу своихъ любимѣйшихъ выписокъ изъ книгъ такую выписку: «Иногда у меня бываютъ минуты не то прозрѣнія, не то что-то вроде воспоминанія какого-то безконечнаго счастья . . .» Выписка эта была сдѣлана не даромъ, я уже понималъ подобныя минуты. Теперь онѣ стали мнѣ еще понятнѣе, и дни мои потекли въ непрестанномъ ожиданіи осуществленія этихъ прозрѣній и воспоминаній . . . хотя какія были у меня на то основанія?

Было чувство того, что у меня «все впереди», чувство своих молодых силъ, тѣлеснаго и душевнаго здоровья, нѣкоторой красоты лица и большихъ достоинствъ сложенія, свободы и увѣренности движеній, легкаго и быстраго шага, смѣлости и ловкости, — какъ, на примѣръ, ѣздилъ я верхомъ! Было сознаніе своихъ способностей, своей юношеской чистоты, благородныхъ побужденій, правдивости, презрѣнія ко всякой низости. Былъ повышенный душевный строй, какъ прирожденный, такъ и благопріобрѣтенный за чтеніемъ поэтовъ, непрестанно говорившихъ о высокому назначеніи поэта, о томъ, что «поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли», что «искусство есть ступень къ лучшему міру». Была какая-то душа поднимающая отрада даже въ той горькой страстности, съ которой я вторялъ въ инныя минуты и нѣчто совсѣмъ противоположное — ѣдкія строки Лермонтова и Гейне, жалобы Фауста, обращающаго къ лунѣ за своимъ готическимъ окномъ свой предсмертный, во всемъ разочарованный взоръ, или веселыя, безстыдныя изрѣченія Мефистофеля... Но развѣ я не сознавалъ порой, что всего этого еще не достаточно, что мало имѣть крылья, чтобы летать, что для крыльевъ нуженъ еще воздухъ и развитіе ихъ?

Я не могъ не испытывать тѣхъ совсѣмъ особыхъ чувствъ, что испытываютъ всѣ пишущіе юноши, уже увидѣвшіе свое имя въ печати. Но я не могъ не знать и того, что одна ласточка весны не дѣлаетъ, что «на Пиндѣ лавры есть, но есть тамъ и крапива». Отецъ въ минуты раздраженія называлъ меня недорослемъ изъ дворянъ; я утѣшалъ себя тѣмъ, что не я одинъ учился «понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь»; но вѣдь я хорошо понималъ, сколь это утѣшеніе сомнительно, и порой подумывалъ:

— А не поступить ли мнѣ и впрямь, какъ совѣтуетъ братъ Николай, въ юнкерское училище, чтобы имѣть въ жизни хоть какое-нибудь опредѣленное мѣсто и вѣрный кусокъ хлѣба?

Я втайнѣ (вопреки тому, что уже былъ зараженъ, бла-

годаря чтенію и брату Георгію, множествомъ предвзятыхъ свободныхъ мнѣній) еще очень гордился тѣмъ, что мы Арсеньевы. Но я не могъ не помнить въ то же время всей нашей захудалости, нашей все растущей бѣдности и того, что беззаботность къ ней достигала въ насъ даже какой-то противоестественной мѣры. Я выросъ и оставался въ странномъ убѣжденіи, что, при всѣхъ достоинствахъ братьевъ, особенно Георгія, все таки я главный наслѣдникъ всего того замѣчательнаго, чѣмъ, при всѣхъ его недостаткахъ, такъ необыкновенно выдѣлялся для меня изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ людей отецъ. Но отецъ былъ уже не тотъ, что прежде; онъ, казалось, на все махнулъ рукой теперь, былъ чаще всего во хмелю и почти всѣ хозяйственныя заботы свои ограничилъ одной сдачей земли да распродажей послѣднихъ коровъ, лошадей, телѣгъ и даже сбруи; что же долженъ былъ испытывать я, видя его постоянно возбужденное лицо, сѣрый небритый подбородокъ, величественно взлохмаченную голову, разбитыя туфли и оборванный архалукъ севастопольскихъ временъ? А какую боль причиняли мнѣ порой мысли о старѣющей матери, о подрастающей Оль! Жестокою жалостью испытывалъ я часто и къ самому себѣ, пообѣдавъ, на примѣръ, одной окрошкой и возвратясь въ свою комнату, къ своимъ книгамъ и единственному своему богатству — дѣдовской шкатулкѣ изъ корельской березы, гдѣ хранилось все самое завѣтное мое, то есть исписанные «элегіями» и «стансами» листы сѣрой, пахнущей мятной махоркой, бумаги, на послѣдніе гроши мои купленной въ нашей деревенской лавченкѣ . . .

Я думалъ порой о молодости отца: какая страшная разница съ моей молодостью! Онъ имѣлъ почти все, что подобало счастливому юношѣ его среды, званія и потребностей, онъ росъ и жилъ въ безпечности вполнѣ естественной по тому еще большому барству, которымъ онъ такъ свободно и спокойно пользовался, онъ не зналъ никакихъ преградъ своимъ молодымъ прихотямъ и желаніямъ, всю-

ду съ полнымъ правомъ и веселымъ высокомѣриемъ чувствовалъ себя Арсеньевымъ. А у меня была только шкапулка изъ корельской березы, старая двустволка, худая Кабардинка, истертое казацкое сѣдло... Какъ хотѣлось порой быть наряднымъ, блестящимъ! А мнѣ, собираясь въ гости, нужно было надѣвать тотъ самый сѣренькій пиджачекъ брата Георгія, въ которомъ нѣкогда везли его въ тюрьму въ Харьковъ и за который я въ гостяхъ втайнѣ мучился острымъ стыдомъ. Я былъ лишень чувства собственности, но какъ мечталъ я порой о богатствѣ, о прекрасной роскоши, о всяческой свободѣ и всѣхъ тѣлесныхъ и душевныхъ радостяхъ, сопряженныхъ съ ними! Я мечталъ о далекихъ путешествіяхъ, о лицезрѣніи всего міра, о необыкновенной женской красотѣ, о дружбѣ съ какими-то воображаемыми чудесными юношами, сверстниками и товарищами по стремленіямъ, по сердечному пылу и вкусамъ... А развѣ я не сознавалъ порой, что еще никогда не ступала моя нога дальше уѣзднаго города и нѣсколькихъ окрестныхъ деревушекъ, что весь міръ еще замкнуть для меня давно привычными полями и косогорами, что вижу я только мужиковъ и бабъ, что весь кругъ нашихъ знакомствъ ограничивается двумя - тремя мелкопомѣстными усадьбами да Васильевскимъ, а пріютъ всѣхъ моихъ мечтаній — моей старой угловой комнатой съ гніющими подъемными рамами и цвѣтными верхними стеклами двухъ оконъ въ садъ?

## VI.

Какъ бы тамъ ни было, я опять былъ дома и опять все было мирно, просто и прекрасно вокругъ меня.

Дни шли, и я постепенно приходилъ въ себя. Отцвѣлъ и одѣлся садъ, цѣлый день пѣлъ соловей въ саду, цѣлый день были подняты нижнія рамы оконъ въ моей комнатѣ, которая стала мнѣ еще милѣе прежняго стариной этихъ

оконъ, составленныхъ изъ мелкихъ квадратовъ, темнымъ дубовымъ потолкомъ, дубовыми креслами и такой - же кроватью съ гладкими и покатыми отвалами... Первое время я только и дѣлалъ, что лежалъ съ книгой въ рукахъ, то разсѣянно читая, то слушая соловьиное цоканье, думая о той «полной» жизни, которой я, теперь уже совершенно ото всего свободный, долженъ жить отнынѣ, и порой неожиданно засыпая короткимъ и глубокимъ сномъ, очнувшись отъ котораго я всякій разъ какъ то особенно свѣжо изумлялся новизнѣ и прелести окружающаго и такъ хотѣлъ ѣсть, что вскакивалъ и шелъ или за вареньемъ въ буфетную, то есть въ заброшенную каморку, стеклянная дверь которой выходила въ залъ, или за чернымъ хлѣбомъ въ людскую, гдѣ днемъ всегда было пусто, — лежалъ только въ темномъ углу на горячей и сорной печи одинъ Леонтій, длинный и невѣроятно худой, густо заросшій желтой щетиной и весь шелушившійся отъ старости, бывшій бабушкинъ поваръ, уже много лѣтъ зачѣмъ то отстаивавшій отъ неминуемой смерти свое непонятное, совсѣмъ пещерное существованіе... Надежды на счастье, на счастливую жизнь, которая вотъ-вотъ должна начаться! Но для этого часто бываетъ достаточно вотъ такъ очнуться послѣ внезапнаго и короткаго сна и побѣжать за коркой чернаго хлѣба или услышать, что зовутъ на балконъ къ чаю, а за чаемъ подумать, что сейчасъ надѣ пойти осѣдлатъ лошадь и закатиться куда глаза глядятъ по вечерѣющей большой дорогѣ въ сторону города, настойчиво твердя про себя случайно подвернувшуюся на умъ строчку Лермонтова:

Степь, синѣя, разстилалась  
Близъ Азовскихъ береговъ...

Ночи стояли лунныя, и я порой просыпался среди ночи въ самый глубокой часъ ея, когда даже соловей не пѣлъ. Во всемъ мірѣ была такая тишина, что, казалось, я просы-



пался отъ чрезмѣрности этой тишины. На мгновеніе охватывалъ страхъ, — вдругъ вспоминался Писаревъ, чудилась высокая тѣнь въ углу возлѣ двери въ гостиную . . . Но черезъ мгновеніе тѣни этой уже не было, виденъ былъ только просто уголь, темнѣющій сквозь тонкій сумракъ комнаты, а за раскрытыми окнами сіялъ и звалъ въ свое свѣтлое безмолвное царство лунный садъ. И я вставалъ, что попало накидывалъ на себя, осторожно отворялъ дверь въ гостиную, видѣлъ въ сумракѣ глядѣвшій на меня со стѣны портретъ бабушки въ зубчатомъ чепцѣ, смотрѣлъ въ залъ, гдѣ провелъ столько прекрасныхъ часовъ въ лунныя ночи зимой . . . онъ казался теперь таинственнѣй и ниже, потому что луна, ходившая теперь правѣе дома, не глядѣла въ него, да и самъ онъ сталъ сумрачнѣй: липа за его сѣверными окнами, густо цокрывшаяся листовою, вплотную загораживала эти окна своимъ темнымъ громаднымъ шатромъ . . . Выйдя на балконъ, я каждый разъ снова и снова, до недоумѣнія, даже до нѣкоторой муки, дивился на красоту ночи: что же это такое и что съ этимъ дѣлать! Я и теперь испытываю нѣчто подобное въ такія ночи. Что же было тогда, когда все это было вновь, когда было такое обоняніе, что отличался запахъ росистаго лопуха отъ запаха сырой травы! Необыкновенно высокой и узкій треугольникъ ели, освѣщенный луной только съ одной стороны, попрежнему возносился своимъ зубчатымъ остриемъ въ прозрачное ночное небо, гдѣ теплилось нѣсколько рѣдкихъ звѣздъ, мелкихъ, мирныхъ и настолько безконечно далекихъ и дивныхъ, истинно Господнихъ, что хотѣлось стать на колѣни и перекреститься на нихъ. Пустая поляна передъ домомъ была залита сильнымъ и страннымъ свѣтомъ. Справа, надъ садомъ, сіяла въ ясномъ и пустомъ небосклонѣ полная луна съ чуть темнѣющими рельефами своего мертвенно-блѣднаго, изнутри налитаго яркой свѣтящейся бѣлизной лица. И мы съ ней, теперь уже давно знакомые другъ другу, подолгу глядѣли другъ на друга, безотвѣтно и безмолвно чего-то другъ

отъ друга ожидая... Чего? Я зналъ только то, что чего-то намъ съ нею очень не достаетъ...

Потомъ я шелъ вмѣстѣ со своей тѣнью по росистой, радужной травѣ поляны, входилъ въ пестрый сумракъ аллеи, ведущей къ пруду, и луна покорно слѣдовала за мной. Я шелъ, оглядываясь, — она, зеркально сіяя и дробясь, катилась сквозь черный и мѣстами ярко блестящій узоръ вѣтвей и листьевъ. Я стоялъ на росистомъ скатѣ къ полноводному пруду, широко сіявшему своей золотой поверхностью возлѣ плотины вправо. Я глядѣлъ — и луна глядѣла. Возлѣ берега, подо мной, была зыбкая, темно-зеркальная бездна подводнаго неба, на которой висѣли, чуткимъ сномъ спали, спрятавъ подъ крыло голову и глубоко отражаясь въ ней, утки; за прудомъ влѣво темнѣла вдали усадьба Уварова, того помѣщика, чьимъ незаконнымъ сыномъ былъ Глѣбочка; за прудомъ напротивъ лежали въ упоръ освѣщенные луной глинистые косогоры, а дальше — большой по ночному свѣтлый деревенскій выгонъ и рядъ чернѣющихъ за нимъ избъ... Какая удивительная тишина и какой какъ будто все возростающій блескъ возлѣ плотины! Дико-тревожный крикъ внезапно проснувшихся и закачавшихъ подъ собой свое зыбкое зеркальное небо утокъ громомъ звучалъ по окрестнымъ садамъ... Когда же я медленно шелъ дальше, вдоль пруда, направо, луна опять тихо катилась рядомъ со мной надъ темными вершинами застывшихъ въ своей ночной красотѣ деревьевъ...

И такъ мы обходили кругомъ весь садъ. Было похоже, что мы и думаемъ вмѣстѣ — и все объ одномъ: о загадномъ, томительно-любовномъ счастьи жизни, о моемъ загадномъ будущемъ, которое должно быть непременно счастливымъ, и, конечно, все время объ Анхснъ Образъ Писарева, какъ живого, такъ и мертваго, забывался все больше. Что осталось отъ бабушки, кромѣ ея портрета на стѣнѣ въ гостиной? Такъ и Писаревъ: думая о немъ, я мысленно видѣлъ теперь чаще всего только его большой фотографическій портретъ, висѣвшій въ диванной Ва-

силъевскаго дома, портретъ той поры, когда онъ только что женился (и, вѣрно, надѣялся жить безконечно!). Еще приходило въ голову прежнее: гдѣ теперь этотъ человѣкъ, что съ нимъ случилось, что такое та вѣчная жизнь, гдѣ онъ будто бы пребываетъ? Но безотвѣтные вопросы не повергали больше въ тревожное недоумѣніе, въ нихъ было даже что-то утѣшающее: гдѣ онъ — вѣдомо одному Богу, котораго я не понимаю, но въ котораго долженъ вѣрить и вѣрю, чтобы жить и быть счастливымъ. И уже легендой становился тотъ, кто такъ молодо, живо, насмѣшливо-вызывающе и главное, такъ неизмѣнно глядѣлъ со стѣны того самаго дома, гдѣ онъ когда то родился и росъ, былъ юношей, мужемъ, отцемъ, хозяиномъ и гдѣ теперь зачѣмъ-то растугъ его дѣти... Анхень мучила дольше. Даже днемъ, — на что бы я ни глядѣлъ, что бы ни чувствовалъ, ни читалъ, ни думалъ, — за всѣмъ была она, нѣжность къ ней, воспоминанія, связанныя съ нею, боль, что уже некому сказать, какъ я ее люблю и сколько на свѣтѣ прекраснаго, наслаждаться которымъ мы могли бы вмѣстѣ; про ночь же и говорить нечего — тутъ она владѣла мной всецѣло. Но время шло — и вотъ постепенно стала превращаться въ легенду, утрачивать свой живой обликъ и Анхень: уже какъ то не вѣрилось, что когда-то она была со мной и что гдѣ-то есть она и теперь; уже думать о ней и чувствовать ее я сталъ только поэтически, съ тоской вообще о любви, о какомъ-то общемъ прекрасномъ женскомъ образѣ, смѣшанномъ съ образами поэмъ Пушкина, Лермонтова, Байрона...

И такъ прошелъ май, кончилась весна и наступило лѣто. Могъ ли я думать, разставаясь съ Анхень, что черезъ нѣсколько недѣль я уже измѣню ей? А межъ тѣмъ такъ и случилось.

## VI.

Какъ-то въ началѣ лѣта я прочелъ въ «Недѣлѣ», которую, чрезвычайно гордясь этимъ, я выписывалъ въ тотъ годъ, о выходѣ въ свѣтъ полнаго собранія стиховъ Надсона. Какой восторгъ возбуждало тогда даже въ самой глухой провинціи это имя! Я кое что изъ Надсона уже читалъ и, сколько ни старался, никакъ не могъ растрогать себя. «Пусть ядъ безжалостныхъ сомнѣній въ груди истерзанной замретъ» — это казалось мнѣ только дурнымъ пустословіемъ. Я не могъ питать особаго уваженія къ стихамъ, гдѣ говорилось, что болотная осока растетъ надъ прудомъ и даже склоняется надъ нимъ «зелеными вѣтвями». Но все равно — Надсонъ былъ «безвременно погибшій поэтъ», юноша съ прекраснымъ и печальнымъ взоромъ, про котораго писали, что онъ «угасъ среди розъ и кипарисовъ на берегахъ лазурнаго южнаго моря» . . . Когда я прочелъ зимой о его смерти и о томъ, что его металлическій гробъ, «утопавшій въ цвѣтахъ», отправленъ для торжественнаго погребенія «въ морозный и туманный Петербургъ», я вышелъ къ обѣду столь блѣдный и взволнованный, что даже отецъ сталъ тревожно поглядывать на меня и успокоился только тогда, когда я объяснилъ причину своего горя.

— Ахъ, только-то и всего? — удивленно спросилъ онъ, узнавъ, что причина эта заключается въ смерти Надсона.

И сердито прибавилъ съ облегченіемъ:

— Какой вздоръ лѣзетъ тебѣ однако въ голову! Я ужъ думалъ, нивѣсть что случилось . . .

Теперь замѣтка «Недѣли» снова ужасно взволновала меня. За зиму слава Надсона возросла еще пуще, о выходѣ въ свѣтъ перваго полнаго собранія его стиховъ говорилось какъ о всероссійскомъ событіи. И мысль объ этой славѣ вдругъ такъ ударила мнѣ въ голову, внезапно вызвала такое горячее желаніе и собственной славы, доби-

ваться которой нужно было начинать сію-же минуту, не медля ни единого мгновенія, что я завтра-же рѣшилъ отправиться за Надсономъ въ городъ, чтобы узнать уже какъ слѣдуетъ, что онъ такое, чѣмъ онъ, помимо своей поэтической смерти, все таки приводитъ въ такое восхищеніе всю Россію. Ъхать было не на чемъ: Кабардинка хромала, рабочія лошади были слишкомъ худы и безобразны, — нужно было итти пѣшкомъ. И вотъ я пошелъ, хотя до города было не менѣе тридцати верстъ. Я вышелъ рано, шагаль по жаркой и пустой большой дорогѣ безъ отдыха и часа въ три уже входилъ въ библіотеку на Торговой улицѣ. Барышня съ кудряшками на лбу, одиноко сидѣвшая и, видимо, очень скучавшая въ душной и узкой комнатѣ, заставленной сверху до низу книгами въ обитыхъ переплетяхъ, взглянула на меня, замороеннаго дорогой и солнцемъ, почему-то очень любопытно.

— На Надсона очередь, — сказала она небрежно. — Раньше какъ черезъ мѣсяць не дождетесь . . .

Я было опѣшилъ, растерялся, — каково отмахать тридцать верстъ задаромъ! — однако оказалось, что она хотѣла только немножко помучить меня:

— Но вѣдь вы тоже поэтъ? — тотчасъ же прибавила она, усмѣхаясь. — Я васъ знаю, я васъ еще гимназистомъ видала . . . Я вамъ дамъ свой собственный экземпляръ . . .

Я рассыпался въ благодарностяхъ и, весь красный отъ смущенія, и отъ гордости, такъ радостно выскочилъ съ драгоценной книгой на улицу, что чуть не сбиль съ ногъ какую-то худенькую дѣвочку лѣтъ пятнадцати въ сѣренькомъ холстинковомъ платьѣ, только что вышедшую изъ тарантаса, который стоялъ возлѣ тротуара. Тарантасъ былъ запряженъ тройкой странныхъ лошадей, — всѣ онѣ были пѣгія, всѣ крѣпкія и небольшія, масть въ масть, ладъ въ ладъ. Еще странный былъ кучеръ, сутуло сидѣвшій на козлахъ: до-нельзя сухой, поджарый и до-нельзя оборванный, но чрезвычайно щеголеватый рыжій кавказецъ съ заломленной назадъ коричневой папайхой. А въ тарантасѣ

сидѣла дородная и величавая барыня въ широкомъ чесучовомъ пальто. Барыня взглянула на меня довольно строго и удивленно, дѣвочка же отшатнулась въ сторону съ настоящимъ испугомъ, чудесно мелькнувшемъ въ ея черныхъ чахоточныхъ глазахъ и на всемъ тонкомъ и чистомъ личикѣ нѣсколько сиреневаго оттѣнка съ какими-то трогательно-болѣзненными губами. Я потерялся еще болѣе, съ излишней горячностью и изысканностью воскликнулъ: «ахъ, простите ради Бога!» и, не оглядываясь, полетѣлъ внизъ по улицѣ, къ базару, съ единственной мыслью поскорѣе заняться хотя бы бѣглымъ просмотромъ книги и выпить чаю въ трактирѣ Жохова. Однако встрѣчѣ этой не суждено было кончиться такъ просто.

Мнѣ въ этотъ день рѣшительно везло. Въ трактирѣ сидѣли батуринскіе мужики. Мужики эти, увидавъ меня съ тѣмъ радостнымъ удивленіемъ, съ которымъ всегда встрѣчаются въ городѣ односельчане, дружно закричали:

— Да никакъ это нашъ барчукъ? Барчукъ! Милости просимъ къ намъ! Не побрезгуйте! Подсаживайтесь!

Я подсѣлъ, тоже чрезвычайно обрадованный, въ надеждѣ доѣхать съ ними домой, и дѣйствительно они тотчасъ же предложили подвезти меня. Оказалось, что они пріѣхали за кирпичами, что подводы ихъ за городомъ, на кирпичныхъ заводахъ возлѣ Бѣглой Слободы, и что «вечеркомъ» они трогаются обратно. Вечерокъ однако весь прошелъ въ накладываніи кирпичей. Я сидѣлъ на заводахъ часъ, другой, третій, безъ конца смотрѣлъ на пустое вечернее поле, простиравшееся передо мной за шоссе, а мужики все накладывали и накладывали. Уже и къ вечеру отзвонили въ городѣ, и солнце совсѣмъ низко опустилось надъ покраснѣвшимъ полемъ, а они все накладывали. Я просто изнемогалъ отъ скуки и усталости, какъ вдругъ одинъ мужикъ насмѣшливо сказалъ, черезъ силу таща къ телѣгѣ цѣлый фартукъ свѣжихъ розовыхъ кирпичей и мотая головой на тройку, пылившую по дорогѣ возлѣ шоссе:

— А вонъ барыня Бибикова ѣдетъ. Это она къ намъ, къ Уварову. Онъ мнѣ еще третьяго дня говорилъ, что ждетъ ее къ себѣ гостить и баранчика на зарѣзъ торговалъ... Господа тоже!

Другой подхватилъ:

— Вѣрно, вѣрно, она и есть. Вонъ и этотъ живодеръ на козлахъ... Я ихъ нынче въ обѣдъ возлѣ кузни видѣлъ, у нихъ съ колесомъ что-то вышло...

Я мгновенно встрепенулся, взглянулъ пристальнѣй, тотчасъ узналъ пѣгихъ лошадей, стоявшихъ давеча возлѣ библіотеки, — и вдругъ понялъ, что именно тайно тревожило меня все время съ той минуты, какъ я выскочилъ оттуда: тревожила она, эта худенькая дѣвочка. Услыхавъ, что она ѣдетъ какъ разъ къ намъ, въ Батурино, я даже съ мѣста вскочилъ, засыпалъ мужиковъ поспѣшными вопросами и сразу узналъ очень многое: что барыня Бибикова мать этой дѣвочки и что она вдова, что дѣвочка учится въ институтѣ въ Воронежѣ, — мужики называли институтъ «дворянскимъ заведеніемъ», — что живутъ онѣ въ своемъ «имѣньишкѣ» подъ Задонскомъ бѣдно-пребѣдно, что онѣ родня Уварову, что лошадей имъ далъ ихъ другой родственникъ, ихъ задонскій сосѣдъ Марковъ, что его пѣгія лошади на всю губернію извѣстны, равно какъ и живодеръ кавказецъ, который былъ у Маркова сперва, какъ обыкновенно, объѣздчикомъ, а потомъ «прижился» у него, сталъ его закадычнымъ другомъ, связавшись съ нимъ страшнымъ дѣломъ: онъ до смерти запоролъ однажды нагайкой конокрада-цыгана, хотѣвшаго угнать изъ марковского табуна самую главную матку...

Выѣхали мы только въ сумерки и тащились всю ночь съ ноги на ногу, — сколько позволяла малосильнымъ лошаденкамъ ихъ стопудовая кладь. И что это за ночь была! Въ сумерки, какъ только мы выбрались на шоссе, потянуло вѣтромъ, стало быстро и какъ-то невѣрно, тревожно темнѣть отъ надвигавшихся съ востока тучъ, стало тяжело гремѣть, сотрясая все небо, и все шире пугать, оза-

рять красными сполохами... Черезъ полчаса наступила кромѣшная тьма, въ которой со всѣхъ сторонъ рвало то горячимъ, то очень свѣжимъ вѣтромъ, слѣпило во всѣ стороны метавшимися по чернымъ полямъ розовыми и бѣлыми молніями и поминутно оглушало чудовищными раскатами и ударами, съ невѣроятнымъ грохотомъ и сухимъ, шипящимъ трескомъ разражавшимся надъ самой нашей головой. А потомъ бѣшено понесло уже настоящимъ ураганомъ, молніи засверкали по тучамъ, во всю высоту ихъ, зубчатыми, до бѣла раскаленными змѣями съ какимъ-то свирѣпымъ трепетомъ и ужасомъ, точно передъ Страшнымъ Судомъ, — и хлынулъ обломный ливень, съ яростнымъ гуломъ сѣкшей насъ подъ удары уже непрерывные, среди такого апокалипсическаго блеска и пламени, что адскій мракъ небесъ разверзался надъ нами, казалось, до самыхъ предѣльныхъ глубинъ своихъ, до самой седьмой бездны горнихъ святилицъ, гдѣ мелькали какими-то сверхъестественными, довременными Гималаями мѣдью блистающія горы облаковъ... На мнѣ, лежавшемъ на холодныхъ кирпичахъ и укрытомъ всѣми веретями и армяками, какіе только могли дать мнѣ мужики, нитки живой не осталось черезъ пять минутъ. Да что мнѣ былъ этотъ адъ и потопъ! Я былъ уже въ полной власти своей новой любви...

## VIII.

Изъ того, что составляло и образовывало мою дальнѣйшую юношескую жизнь, — жизнь того времени, которое было послѣднимъ временемъ моей жизни въ семьѣ и дома, въ достаточной мѣрѣ предопредѣлившимъ все мое странное будущее, — я, конечно, помню опять только кое-что, только то, что запоминала душа въ соотвѣтствіи со своими пристрастіями.

Жизнь эта, при всей своей внѣшней бѣдности, шла все тѣмъ-же поэтически-счастливымъ порядкомъ, какъ и по-



добало это послѣднему и безпечнѣйшему потомку «друзей поэзіи, мечтанія, натуры» — и поэтической книги, прибавлю отъ себя.

Такая книга играла въ моей юношеской жизни особенно большую роль, ни чуть однако не дѣлая ее книжной.

Пушкинъ, напримѣръ, былъ для меня вовсе не чтеніемъ, а подлинной частью моей жизни.

Когда онъ вошелъ въ меня, когда я узналъ и приобрѣлъ его къ своей душѣ? Я уже говорилъ, говоря о своемъ дѣтствѣ: онъ былъ со мной — и такъ особенно — почти отъ самаго истока дней моихъ. Я слышалъ о немъ съ младенчества, и имя его всегда упоминалось у насъ съ какой-то почти родственной фамиллярностью, какъ имя человека вполне «нашего» по тому общему, особому кругу, къ которому мы принадлежали вмѣстѣ съ нимъ. Да онъ и писалъ, казалось мнѣ, все только наше, для насъ и съ нашими чувствами. Буря, что въ его стихахъ мглой крыла небо, «вихри снѣжные крутя», была та самая, что бушевала въ зимніе вечера вокругъ Каменскаго хутора. Мать иногда читала мнѣ съ грустной и ласковой улыбкой: «Вчера за чашей пуншевою съ гусаромъ я сидѣлъ» — и я спрашивалъ: «Съ какимъ гусаромъ, мама? Съ покойнымъ дяденькой?» Она читала: «Цвѣтокъ засохшій, безуханный, забытый въ книгѣ, вижу я» — и я видѣлъ этотъ цвѣтокъ въ ея собственномъ дѣвичьемъ альбомѣ... Что же до моей юности, то вся она прошла съ Пушкинымъ.

Никакъ не отдѣлимъ былъ отъ нея и Лермонтовъ:

Нѣмая степь синѣеть, и кольцомъ  
Серебрянымъ Кавказъ-ее объемлетъ,  
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ.  
Какъ великанъ, склонившись надъ щитомъ,  
Разсказамъ волнъ кочующихъ внимаю,  
А море Черное шумитъ, не умолкая...

Какой дивной юношеской тоскѣ о далекихъ странствіяхъ, какой страстной мечтѣ о далекомъ и прекрасномъ и какому завѣтному душевному звуку отвѣчали эти строки, пробуждая, образуя мою душу! И все таки больше всего былъ я съ Пушкинымъ. Сколько чувствъ рождалъ онъ во мнѣ! И какъ часто сопровождалъ я имъ свои собственные чувства и все то, среди чего и чѣмъ я жилъ!

Въ этой жизни было, конечно, немало и прозы, а что все таки преобладало, — для меня по крайней мѣрѣ?

Вотъ я просыпаюсь въ морозное солнечное утро, и мнѣ вдвойнѣ радостно, потому что я восклицаю вмѣстѣ съ нимъ: «морозъ и солнце, день чудесный» — съ нимъ, который не только такъ чудесно сказалъ про это утро, но далъ мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкій чудесный образъ и несказанно чудесныя чувства:

Еще ты дремлешь, другъ прелестный . . .

Вотъ, проснувшись въ мятель, я вспоминаю, что мы нынче ѣдемъ на охоту съ гончими, и опять начинаю день такъ же, какъ онъ:

Вопросами: тепло-ль? утихла-ли мятель,  
Пороша есть иль нѣтъ? И можно-ли постель  
Оставить для сѣдла, иль лучше до обѣда  
Возиться съ старыми журналами сосѣда?

Вотъ весеннія сумерки, золотая Венера надъ садомъ, раскрыты въ садъ окна, и опять онъ со мной, выражаетъ мою завѣтную мечту:

Спѣши моя краса,  
Звѣзда любви золотая  
Взошла на небеса!

Вотъ уже совсѣмъ темно, и на весь садъ томится, томитъ соловей:

Слыхали-ль вы за рощей гласъ ночной  
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?

Вотъ я въ постели, и горитъ «близъ ложа моего печальная свѣча», — въ самомъ дѣлѣ печальная сальная свѣча, а не электрическая лампочка, — и кто это изливаетъ свою юношескую любовь или, вѣрнѣе, жажду ея — я или онъ?

Морфей, до утра дай отраду  
Моей мучительной любви!

А тамъ опять «роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ и страждутъ озими отъ бѣшеной забавы» — той самой, которой съ такой страстью предаюсь и я:

Какъ быстро въ полѣ, вокругъ открытомъ,  
Подкованъ вновь, мой конь бѣжитъ,  
Какъ звонко подъ его копытомъ  
Земля промерзлая стучить!

Ночью же тихо всходитъ надъ нашимъ мертвымъ чернымъ садомъ большая мглисто-красная луна — и опять звучатъ дивныя слова:

Какъ привидѣніе, за рощею сосновой  
Луна туманная взошла, —

и душа полна несказанными мечтами о той, невѣдомой, созданной имъ и навѣки плѣнившей меня, которая гдѣ-то тамъ, въ иной, далекой странѣ, идетъ въ этотъ тихій часъ—

Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами...

## IX.

Мои чувства къ Лизѣ Бибиковой, несмотря на всю подлинную прелесть ея образа, были все таки въ достаточной зависимости не только отъ моего ребячества и моей привязанности къ «поэзіи, мечтаніямъ, натурѣ», но и отъ моей любви къ нашему быту, съ которымъ такъ тѣсно связана была когда-то вся русская поэзія, весь строй ея, неизмѣнно и порой съ такимъ удивительнымъ согласіемъ сопровождавшій тогда мою внѣшнюю и душевную жизнь.

Я влюбленъ былъ въ Лизу на поэтическій старинный ладъ и какъ въ существо, вполне принадлежавшее къ нашей средѣ.

Духъ этой среды, романтизированный моимъ воображеніемъ, казался мнѣ тѣмъ прекраснѣе, что навѣки исчезъ на моихъ глазахъ.

Я видѣлъ, какъ бѣднѣлъ нашъ бытъ, но тѣмъ дороже былъ онъ мнѣ; порой я даже какъ-то странно радовался этой бѣдности... можетъ быть, потому, что и въ этомъ находилъ нѣкоторую близость съ Пушкинымъ, домъ котораго, по описанію Языкова, являлъ картину тоже далеко не богатую:

Обоями худыми  
Кой-гдѣ прикрытая стѣна,  
Поль нечиненный, два окна  
И дверь стеклянная межъ ними,  
Диванъ предъ образомъ въ углу  
Да пара стульевъ...

«Бѣдная-пребѣдная», по словамъ батуринскихъ мужиковъ, была и Лиза. Но это дѣлало ее для меня еще трогательнѣе и ближе...

Впрочемъ, въ то время, когда Лиза жила въ Батуринѣ, бѣдный бытъ нашъ былъ украшенъ жаркими іюнь-

скими днями, густой зеленью тѣнистыхъ садовъ, запахомъ отцвѣтающаго жасмина и цвѣтущихъ розъ, купаньемъ въ пруду, который со стороны нашего берега, тѣнистаго отъ сада и тонувшаго въ густой прохладной травѣ, былъ живописно осѣненъ высокимъ ивнякомъ, его молодой блестящей листвою, гибкими глянцевиными вѣтвями... Такъ навсегда и соединилась для меня Лиза съ этими первыми днями купанья, съ июньскими картинами и запахами, — жасмина, розъ, земляники за обѣдомъ, этихъ прибрежныхъ ивъ, длинные листочки которыхъ очень пахучи и горьки на вкусъ, теплой воды и тины нагрѣтаго солнцемъ пруда, въ обѣды оглашаемаго непрестаннымъ веселымъ визгомъ дѣвокъ и мальчишекъ, купавшихся съ другого берега, съ голыхъ и жаркихъ глинистыхъ косогуровъ, по которымъ отъ воды и солнца зеркально текли и струились блестящія отраженія...

Я къ Уваровымъ въ то лѣто не ходилъ, — Глѣбочка проводилъ лѣто подъ Харьковомъ, въ земледѣльческой школѣ, куда его перевели въ виду его малыхъ успѣховъ въ гимназiи; не бывали и Уваровы у насъ, были съ нами въ натянутыхъ отношенiяхъ, — вѣчная исторiя мелкихъ деревенскихъ ссоръ; однако Уварова все таки попросила у отца позволенiя купаться въ прудѣ съ нашей стороны и приходила вмѣстѣ съ Бибиковыми почти каждый день, а я то и дѣло какъ бы нечаянно встрѣчался съ ними на берегу и особенно учтиво раскланивался, при чемъ госпожа Бибикова, ходившая всегда какъ-то милостиво-важно, съ поднятой головой, въ широкомъ балахонѣ и съ мохнатой прѣстѣней на плечѣ, отвѣчала мнѣ уже довольно привѣтливо и даже съ усмѣшкой, вспоминая, вѣрно, какъ я тогда, въ городѣ, выскочилъ изъ библіотеки. Сперва застѣнчиво, а потомъ все дружелюбнѣй и живѣй отвѣчала и Лиза, уже нѣсколько загорѣвшая и съ нѣкоторымъ блескомъ въ своихъ широкихъ глазахъ. Теперь она ходила въ бѣлой съ синимъ воротомъ матроскѣ и довольно короткой синей юбочкѣ, ничѣмъ не прикрывая отъ солнца

свою черную головку съ заплетенной и большимъ бѣлымъ бантомъ завязанной, слегка курчавившейся черной косой. Она не купалась, только сидѣла на берегу, пока купались идѣ-то подѣ особенно густымъ ивнякомъ ея мать и Уварова; но она иногда снимала туфельки, чтобы походить по травѣ, насладиться ея нѣжной свѣжестью, такъ что я нѣсколько разъ видѣлъ ее босикомъ. Бѣлизна ея ножекъ въ зеленой травѣ была особенно прелестна . . .

И опять наступили лунныя ночи, и я выдумалъ уже совсѣмъ не спать по ночамъ, — ложиться только съ восходомъ солнца, а всю ночь, въ полномъ одиночествѣ, сидѣть при свѣчѣхъ въ своей комнатѣ, читать и писать стихи, потомъ бродить въ саду, глядѣть на усадьбу Уваровыхъ съ плотины пруда . . .

Днемъ на этой плотинѣ часто стояли бабы и дѣвки и, наклонясь къ большому плоскому голыщу, лежавшему въ водѣ на берегу, подоткнувшись выше колѣнъ, крупныхъ, красныхъ, а все таки нѣжныхъ, женскихъ, сильно и ладно, переговариваясь быстрыми, бойкими голосами, колотили вальками мокрыя сѣрыя рубахи; иногда онѣ разгибались, вытирали о засученный рукавъ потъ со лба, съ шутливой развязностью, на что то намская, говорили, когда мнѣ случалось проходить мимо: «Барчукъ, ай потерялъ что?» — и опять наклонялись и еще бодрѣй колотили, шлепали и чему-то смѣялись, переговариваясь, а я поскорѣй уходилъ прочь: мнѣ уже трудно было смотрѣть на нихъ, склоненныхъ, видѣть ихъ голыя колѣни . . .

Потомъ къ другому нашему сосѣду, къ тому, чья усадьба была черезъ улицу отъ нашей и чей сынъ былъ въ ссылкѣ, къ старику Алферову, пріѣхали его дальнія родственницы, петербургскія барышни, и одна изъ нихъ, младшая, Ася, была хороша собой, ловка и высока, весела и энергична, не по нашему свободна въ обращеніи. Она любила играть въ крокетъ, щелкать что попало фотографическимъ аппаратомъ, ѣздить верхомъ, и незамѣтно я сталъ довольно частымъ гостемъ въ этой усадьбѣ, всту-

пиль съ Асей въ какое-то подобіе дружбы, въ которой она и помыкала мной, какъ мальчишкой, и обнаружила въ то же время явное удовольствіе отъ общества этого мальчишки. Она то и дѣло снимала меня, — и все неудачно, потому что всегда поспѣшно, — мы съ ней по цѣлымъ часамъ стучали крокетными молотками, при чемъ всегда выходило, что я будто-бы что-то не такъ дѣлаю, а она по-минутно останавливалась и, необыкновенно мило не выговаривая буквы «л», кричала на меня въ полномъ отчаяніи: «Ахъ, какой глупый, Боже, какой глупый!» — больше же всего любили скакать подъ вечеръ по большой дорогѣ, и надо признаться, что уже не совсѣмъ спокойно слушалъ я ея радостныя покрикиванья на скаку, видѣлъ ея румянецъ и растрепавшіеся волосы, чувствовалъ наше съ ней одиночество въ полѣ, межъ тѣмъ какъ ея лироподобное тѣло великолѣпно лежало на сѣдлѣ и тугая икра лѣвой ноги, упертой въ стремя, все время мелькала подъ развѣвающимся подоломъ амазонки...

Но то было днемъ, вечеромъ. А ночи свои я посвящалъ поэзіи.

Вотъ уже совсѣмъ темно въ полѣ, густѣютъ теплые сумерки, и мы съ Асей шагомъ возвращаемся домой, проѣзжаемъ по деревнѣ, пахнувшей всѣми вечерними лѣтними запахами. Проводивъ Асю до дому, я вѣзжаю во дворъ нашей усадьбы, бросаю поводъ потной Кабардинки работнику, она, подъ сѣдломъ, устало тянется за нимъ головой къ конюшнѣ, а я бѣгу въ домъ къ ужину, гдѣ меня встрѣчаютъ веселыя насмѣшки братьевъ и невѣстки. Послѣ ужина я выхожу съ ними на прогулку, на выгонъ за прудъ или опять все на ту же большую дорогу, глядя на сумрачно-красную луну, поднимающуюся за черными полями, откуда тянетъ ровнымъ мягкимъ тепломъ. А послѣ прогулки я остаюсь наконецъ одинъ. Все затихло, все спитъ — домъ, усадьба, деревня, лунныя поля. Я сижу у себя возлѣ открытаго окна, читаю, пишу. Чуть посвѣжѣвшій ночной вѣтеръ приходитъ отъ времени до времени

изъ сада, тамъ и сямъ уже озареннаго, колеблетъ огни оплывающихъ свѣчей. Ночные мотыльки роями вьются вокругъ нихъ, съ трескомъ и пріятной вонью жгутся, падаютъ и понемногу усѣиваютъ весь столъ. Неодолимая дремота клонитъ голову, смыкаетъ вѣки, — ахъ, если бы упасть въ постель и мгновенно заснуть мертвымъ сномъ! — но я всячески одолѣваю, переламываю ее . . . и все ради чего? Ради этой дѣвочки-институтки, которую я хочу любить и, какъ мнѣ кажется, люблю самой лучшей, самой сокровенной частью своей души, ради тайной поэтической жизни вмѣстѣ съ нею въ эти лѣтнія ночи, какихъ, мнѣ кажется, уже никогда не будетъ больше . . .

И къ полуночи сонъ обычно разсѣивался. Я вставалъ, тушилъ свѣчи и выходилъ въ садъ. Теперь, въ іюнѣ, луна ходила по лѣтнему, еще ниже. Она стояла за угломъ дома, широкая тѣнь далеко лежала отъ него по полянѣ, и изъ этой тѣни особенно хорошо было смотрѣть на какую-нибудь семицвѣтную звѣзду, тихо мерцавшую на востокѣ, далеко за садомъ, за деревней, за лѣтними полями, откуда иногда чуть слышно и потому особенно очаровательно доносился далекій бой перепела. Цвѣла и сладко пахла столѣтняя липа возлѣ дома, тепла и золотиста была луна, росы не было. И опять тянуло только тепло, — какъ всегда передъ разсвѣтомъ, близость котораго уже чувствовалась тамъ, на восточномъ небосклонѣ, гдѣ горизонтъ уже чуть серебрился. Тянуло оттуда, изъ за пруда, и я тихо проходилъ по саду навстрѣчу этой ровной тягѣ, шелъ на плотину . . . Дворъ уваровской усадьбы сливался съ деревенскимъ выгономъ, а садъ за домомъ — съ полемъ; я хорошо зналъ этотъ домъ, чуть не каждый день бывалъ въ немъ прежде, при Глѣбочкѣ. И теперь, глядя на него съ плотины, я точно представлялъ себѣ, гдѣ кто спитъ. Я зналъ, что Лиза спитъ въ Глѣбочкиной комнаткѣ, въ той, окна которой выходили тоже въ садъ, только не въ такой, какъ у насъ, а темный, густой, подступающій прямо къ нимъ . . . Какъ же передать тѣ чувства, съ кото-



рыми смотрѣлъ я, мысленно видя тамъ, въ этой комна-  
тѣ, Лизу, спящую подъ лепетъ листьевъ, тихимъ дождемъ  
струящимся за открытыми окнами, въ которыя то и дѣло  
входить и вѣть этотъ теплый вѣтеръ съ полей, лелѣя ея  
полудѣтскій сонъ, чище, прекраснѣе котораго не было, ка-  
залось мнѣ, на землѣ!

## Х.

Этотъ странный образъ жизни былъ тѣмъ странныѣе, что  
длился чуть не все лѣто. А измѣнился онъ, какъ это почти  
всегда бываетъ, неожиданно и круто. Въ одно прекрасное  
утро я вдругъ узналъ, что Бибиковыхъ уже нѣтъ въ Ба-  
туринѣ, — вчера уѣхали. Я, помню, очень тупо провелъ  
день, не зная, что съ собою дѣлать, передъ вечеромъ по-  
шелъ къ Асѣ — и что же услышалъ?

— А мы завтра въ Крымъ уѣзжаемъ, — тотчасъ сказа-  
ла она, завидя меня, и такъ весело, точно хотѣла чрезвы-  
чайно меня обрадовать...

Въ тотъ день кончился для меня поэтическій праздникъ  
лѣта. Я уже не сѣлъ послѣ ужина за письменный столъ, а  
легъ спать и горестно и крѣлко проспалъ всю ночь. Въ мі-  
рѣ послѣ того образовалась такая пустота и скука, что я  
сталъ ѣздить въ поле, гдѣ уже начали косить нашу рожь,  
сталъ по цѣлымъ часамъ сидѣть на рядахъ, на жнивѣхъ  
и безцѣльно смотрѣть на косцовъ. Сижу, а кругомъ сушь,  
блескъ, жаркій и недвижный зной, мѣрный шумъ косъ;  
густой и высокой стѣной стоитъ на сѣрой отъ зноя синег-  
гѣ безоблачнаго неба море пересохшей желто-песчаной  
ржи съ покорно склоненными, полными колосьями, а на  
него, другъ за другомъ, наступаютъ, въ раскорячку идутъ  
и медленно, ровно уходятъ впередъ мужики распояской,  
широко и солнечно блещутъ шуршащими косами, кладутъ  
влѣво отъ себя рядъ за рядомъ, оставляютъ за собой кол-  
кую щетку желтаго жнивья, широкія пустыя полосы и ма-

ло по малу все больше оголяютъ поле, дѣлають его совсѣмъ новымъ, раскрываютъ все новые виды и дали...

— Что жъ такъ-то даромъ сидѣть, барчукъ? — грубовато и дружелюбно сказалъ мнѣ вскорѣ одинъ косецъ, высокій и красивый черный мужикъ.—Берите-ка мою другую косу, заходите съ нами...

И я всталъ и, ни слова не говоря, направился къ его телѣгѣ. Съ тѣхъ поръ и пошло...

Сперва было великое мученье. Отъ поспѣшности и всяческой неловкости я такъ выбивался изъ силъ, что по вечерамъ едва добредалъ домой — съ согнутой, изломанной спиной, съ ноющими въ плечахъ и горящими отъ кровавыхъ мозолей руками, съ обожженнымъ лицомъ, со слипшимися отъ засохшаго пота волосами, съ полынной горечью во рту и страшной жаждой. Но потомъ такъ втянулся въ свою добровольную каторгу, что даже засыпалъ съ блаженной мыслью:

— Завтра опять косить!

За косью же наступила возка. Эта работа еще труднѣй. Это еще хуже — всаживать вилы въ толстый, сухоупругій снопъ, подхватывать скользкую рукоятку вилъ колѣномъ и смаху, до боли въ животѣ, вскидывать эту великолѣпную шуршащую тяжесть, осыпающую тебя острымъ зерномъ, на высокій и все растущій на все уменьшающейся телѣгѣ огромный, отовсюду торчащій охвостьемъ сноповъ возъ... а потомъ опутывать его тяжело-зыбкую, со всѣхъ сторонъ колющую и душно пахнущую ржанымъ тепломъ гору новыми жесткими веревками, изо всѣхъ силъ стягивать ее ими, туго-на-туго захлестывать ихъ за телѣжную грядку... а потомъ медленно идти за ея качающейся громадой по выбитому, ухабистому проселку, по ступицу въ глубокой горячей пыли, все время глядѣть на лошадь, кажущуюся подъ возомъ совсѣмъ ничтожной, все время внутренно тужиться вмѣстѣ съ ней, все время бояться, что на всѣ лады скрипящая подъ своимъ страшнымъ грузомъ телѣженка не выдержитъ гдѣ-нибудь на по-

воротъ, заѣстъ слишкомъ круто подвернувшееся колесо — и весь этотъ грузъ безобразно рухнетъ на бокъ... Это все не шутка да еще съ раскрытой подь солнцемъ головой, съ горячей, потной грудью, разѣденной ржанымъ соромъ, съ дрожащими отъ переутомленія ногами и съ полынью во рту! — Впослѣдствіи всѣ эти дни слились для меня однако въ одинъ долгій и радостный день, и я такъ огрубѣлъ и окрѣпъ, что, казалось, могъ любого мужика за поясъ заткнуть. Да окрѣпъ и душевно въ очень большой мѣрѣ...

А въ сентябрѣ я все сидѣлъ на гумнѣ. Пошли сѣренькіе, бѣдные, прохладные дни. Въ ригѣ съ ранняго утра до поздняго вечера ревѣла, гудѣла, засыпала соломой и густо дымила хоботьемъ молотилка, бабы и дѣвки одинѣ горячо работали подь ней граблями, низко сдвинувъ запыленные платки на глаза, другія мѣрно стучали въ темномъ углу вѣялкой, за ручку крутили внутри нея дующія хлѣбнымъ вѣтромъ крылья и все время однообразно и жалобно-сладко пѣли, а я все слушалъ ихъ, то становясь крутить рядомъ съ какой-нибудь изъ нихъ, то помогая нагребать изъ подь вѣялки уже совсѣмъ чистое зерно въ мѣру и съ удовольствіемъ сливать его потомъ въ раскрытый, подставленный мѣшокъ. Я все больше втягивался въ близость и дружбу съ этими бабами и дѣвками, и неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, — уже одна длинноногая рыжая дѣвка, пѣвшая всѣхъ удалѣй и умѣлѣй и въ то же время, несмотря на свою видимую бойкость и грубость, съ особенно-грустной задушевностью, намекала мнѣ совсѣмъ понятно, что она ни отъ чего не прочь, за новыя ножницы, напимѣрь, — если бы не случилось въ моей жизни новаго событія: я нсожиданно попалъ уже не въ какой-нибудь иллюстрированный, а въ одинъ изъ самыхъ важныхъ ежемѣсячныхъ петербургскихъ журналовъ, очутился въ обществѣ самыхъ знаменитыхъ въ то время писателей да еще получилъ за это почтовую повѣстку на цѣлыхъ пятнадцать рублей. Нѣтъ, сказала я себѣ, потрясенный и тѣмъ

и другимъ, довольно съ меня этой риги, пора опять за книги, за писанье — и тотчасъ же пошелъ сѣдлатъ Кабардинку: сѣзжу въ городъ, получу деньги — и за работу... Уже вечерѣло, но я все таки пошелъ сѣдлатъ, осѣдлалъ и погналъ по деревнѣ, по большой дорогѣ... Въ полѣ было грустно, пусто, холодно, непривѣтливо, а какой бодростью, свѣжестью, какой готовностью къ жизни и вѣрой въ нее полна была моя юная, одинокая душа!

## ХІ.

Съ великой грустью вспоминаю теперь этотъ безконечно далекій осенній вечеръ, такимъ счастливымъ казавшейся мнѣ тогда. Цѣлая жизнь прошла съ тѣхъ поръ. И кто знаетъ, какъ прошла бы она, не будь его?

Въ полѣ муро темнѣло, дулъ суровый вѣтеръ, а я всей грудью вдыхалъ его предзимнюю свѣжесть, съ наслажденіемъ чувствовалъ его здоровый холодъ на своемъ молодомъ горячемъ лицѣ и все гналъ и гналъ Кабардинку. Я всегда любилъ рѣзвую ѣзду, — всегда горячо привязывался къ той лошади, на которой ѣздилъ, а межъ тѣмъ всегда былъ ужасно безжалостенъ къ ней. Тутъ же я ѣхалъ особенно шибко. Думалъ - ли я, мечталъ - ли о чемънибудь опредѣленно? Но въ тѣхъ случаяхъ, когда въ жизни человѣка произошло что -нибудь важное или хотя бы значительное и требуется сдѣлать изъ этого какой - то выводъ или предпринять какое -нибудь рѣшеніе, человѣкъ думаетъ мало, охотнѣе отдается тайной работѣ души. И я хорошо помню, что всю дорогу до города моя какъ-то мужественно возбужденная душа неустанно работала надъ чѣмъ-то. Надъ чѣмъ? Я еще не зналъ, только опять чувствовалъ желаніе какой-то перемѣны въ жизни, свободы отъ чего-то и стрѣмленіе куда-то...

Помню, подъ Становой я на минуту пріостановился. Наступала ночь, въ полѣ стало еще урюмѣй и печальнѣй. Ни души, казалось, не было не только на этой глухой, всѣми позабытой дорогѣ, но и на сотни верстъ кругомъ. Дичь,

ширь, пустыня... Ахъ, хорошо, подумалъ я, опуская поводъ. Кабардинка стала, глубоко повела боками и замерла. Я, съ застывшими колѣнками, слѣзъ съ нагрѣтаго, скользкаго сѣдла, зорко и сторожно оглядываясь, вспоминая старыя разбойничьи преданія Становой и втайнѣ даже желая какой-нибудь страшной встрѣчи, жуткой схватки съ кѣмъ-нибудь, подтянулъ подпруги, подтянулъ ременный поясъ на поддевкѣ и поправилъ кинжалъ на немъ... Вѣтеръ круто, надавливая, точно холодной водой дулъ мнѣ въ бокъ, билъ, гудѣлъ въ ухо, чѣмъ-то тревожно и воровски шуршалъ въ невѣрномъ сумракѣ полей, въ сухихъ бурьянахъ и жнивѣхъ; Кабардинка, съ висящими по ея бокамъ стремянами и торчащими сѣдельными рогами, стояла съ какой-то чудесной стройностью, остро поднявъ уши, тоже какъ будто чувствуя всю недобрую славу этихъ мѣстъ и тоже внимательно и строго глядя куда-то по дорогѣ. Она уже вся потемнѣла отъ горячаго пота, даже похуѣла въ ребрахъ, въ пахахъ, но я зналъ ея выносливость, то, что ей достаточно единственнаго глубокаго вздоха, которымъ она вздохнула, остановясь, чтобы снова пуститься въ путь во всю мѣру своихъ уже немолодыхъ силъ, своей неизмѣнной безотвѣтности и любви ко мнѣ. И, съ особенной нѣжностью обнявъ ея тонкую шею и поцѣловавъ въ нервный храпъ, я опять взмахнулъ въ сѣдло и еще шибче погналъ впередъ...

А потомъ надвинулась ночь, темная, черная, настоящая осенняя, и, какъ во снѣ, стало казаться, что и конца не будетъ этому мраку, вѣтру навстрѣчу и ладному топоту копытъ въ густой темнотѣ подъ ногами... Потомъ открылись и долго точно на одномъ мѣстѣ стояли, съ той особенной зоркостью и четкостью, которая бываетъ только въ осеннія ночи, дальніе городскіе и пригородніе огни... Наконецъ они стали ближе, больше, зачернѣли вдоль темной дороги слободскія тесовыя крыши, заманчиво и уютно глянули изъ подъ нихъ свѣтлыя окошечки, свѣтлыя внутренности избъ, люди, семейственно ужинающіе въ

нихъ . . . а тамъ явственно запахло всѣми сложными, людными запахами города, замелькали вокругъ другіе многочисленные огни и освѣщенные окна — и подковы Кабардинки весело и возбуждающе зазвенѣли уже по мостовой, по улицамъ . . . Въ городѣ было тише, теплѣй, былъ еще вечеръ, а не та черная слѣпая ночь, что уже давно была въ поляхъ, и я попалъ на постоянный дворъ Назарова прямо къ ужину . . .

Чего только не было въ моей душѣ въ тотъ вечеръ! Нельзя сказать, чтобъ я былъ ужъ такъ взволнованъ, счастливъ тѣмъ, что попалъ въ знаменитый журналъ, въ кругъ знаменитыхъ писателей — я, помню, принялъ это почти какъ должное. Я былъ только какъ-то крѣпко и хорошо возбужденъ, былъ въ полномъ обладаніи всѣми своими способностями, всей душевной и тѣлесной восприимчивостью, и мнѣ все доставляло удивительное наслаждение: и этотъ осенній вечерній городъ, и то, какъ я, рысью подѣхавъ къ воротамъ Назарова, задергалъ за кольцо ржавую проволоку, висѣвшую изъ дыры въ веревѣ, громко зазвонивъ по двору колокольчикомъ, и то, какъ слышался по камнямъ за воротами постукивающей шагъ хромого дворника, отворившаго мнѣ ворота, и уютъ навознаго двора, гдѣ въ темнотѣ, подъ черными навѣсами и подъ открытымъ среди нихъ, уже звѣзднымъ, расчищающимся небомъ, стоялъ цѣлый таборъ чьихъ-то телѣгъ и звучно жующихъ лошадей, и какое то особое, уѣздное, старое зловоніе отхожаго мѣста въ непроглядномъ мракѣ въ сѣнцахъ, куда я одеревянѣвшими отъ стужи ногами взбѣжалъ по гнилымъ ступенямъ деревяннаго крыльца и гдѣ я долго нашаривалъ скобку двери въ домъ, и вдругъ открывшаяся потомъ свѣтлая, людная и теплая кухня, густо пахнущая жирной горячей солониной и ужинающими мужиками, а за нею — чистая половина, въ которой, за большимъ круглымъ столомъ, ярко освѣщеннымъ висячей лампой, во главѣ съ толстой рябой хозяйкой съ длинной верхней губой и старикомъ хозяиномъ, строго уны-

лымъ мѣщаниномъ, крупнымъ и костистымъ человѣкомъ, похожимъ своими бурыми прямыми волосами и суздальскимъ носомъ на старообрядца, тоже ужинало много какихъ-то загорѣлыхъ, обвѣтренныхъ людей въ жилеткахъ и косовороткахъ, выпущенныхъ изъ подъ жилетокъ... Всѣ, кромѣ хозяина, пили водку, хлебали наваристыя щи съ мясомъ и лавровымъ листомъ изъ огромной общей чашки и оживленно о чемъ-то разговаривали... Ахъ, хорошо, почувствовалъ я, ахъ, какъ все хорошо — и та дикая, непривѣтливая ночь въ полѣ, и эта вечерняя дружеская городская жизнь, эти пьющіе и ѣдящіе мужики и мѣщане, то есть вся эта старинная уѣздная Русь со всей грубостью, сложностью, силой, домовитостью, и мои смутныя мечты о какомъ-то сказочномъ Петербургѣ, о Москвѣ и знаменитыхъ писателяхъ, и то, что я сейчасъ тоже хорошенько выпью и съ волчьимъ аппетитомъ примусь за щи съ мягкимъ, бѣлымъ городскимъ подрукавникомъ!

И дѣйствительно, я такъ закусилъ и выпилъ, что потомъ (когда уже всѣ на постояломъ дворѣ разошлись по своимъ мѣстамъ послѣ ужина, улеглись гдѣ кто попало спать и на дворѣ, и въ кухнѣ, и на жесткихъ диванахъ, а то и прямо на полу, на войлокахъ въ горницѣ, потушили огонь и крѣпко заснули, отдавъ себя въ полное распоряженіе клопамъ и тараканамъ) долго сидѣлъ безъ шапки на ступенькахъ крыльца, освѣжая свою слегка кружащуюся голову морознымъ воздухомъ октябрьской ночи, слушающая въ ночной тишинѣ то колотушку, ловко, на плясовой ладъ что-то выдѣлывающую гдѣ-то вдаль, вдоль пустынной улицы, то мирный хрустъ жующихъ подъ навѣсами лошадей, прерываемый иногда ихъ короткой дракой и злымъ визгомъ, и все что-то обдумывая, рѣшая своей блаженно-хмельной душой...

Въ сущности все уже было рѣшено: въ этотъ вечеръ я впервые замыслилъ рано или поздно, но непременно покинуть Батурино.

## XII

Ночь я провелъ неважно. Одни хозяева спали отдѣльно, въ своей спальнѣ, похожей на часовню отъ множества золотыхъ и серебряныхъ иконъ въ кіотѣ, какой-то черной стоячей гробницей возвышавшемся въ переднемъ углу за большой малиновой лампадой, а всѣ мы, то есть я и пять человѣкъ прочихъ чистыхъ постояльцевъ, въ той-же горницѣ, гдѣ вчера ужинали. Трое ночевали на полу, на казанскихъ войлокахъ, трое, въ числѣ которыхъ, къ несчастью, былъ и я, на диванахъ, жесткихъ, конечно, какъ камень, съ прямыми деревянными спинками. И, конечно, клопы (какіе-то мелкіе, особенно ядовитые, подло разбѣгавшіеся по подушкѣ, какъ только я зажигалъ спичку) ѣли всю ночь и меня, а въ теплой и вонючей темнотѣ вокругъ стоялъ крѣпкій храпъ, отъ котораго ночь казалась безнадежной, безразсвѣтной, а неугомонная колотушка проходила иногда своимъ отчаянно-громкимъ, распутно-залихватскимъ, какимъ-то круглымъ, полымъ трескомъ подъ самыми окнами, а двери изъ хозяйской спальни были прикрыты только на половину, такъ что лампадка краснѣла оттуда мнѣ прямо въ глаза, составляя изъ своего чернаго крестообразнаго поплавка, темнаго лучистаго мерцанія и тѣней, колеблемыхъ имъ, подобіе какого то сказочнаго паука въ серединѣ огромной паутины... Всталъ я однако какъ ни въ чемъ не бывало, лишь только послышалось, что проснулись хозяева, начали зѣвать, подниматься, закуривать и натягивать сапоги спавшіе на полу и кухарка по ихъ ногамъ и войлокамъ бѣгомъ втащила и съ размаху стукнула объ столъ ключемъ кипящей и крѣпко, вкусно пахнувшей угаромъ ведерный самоваръ, отъ густого пара котораго сразу побѣлѣли окна и зеркало.

Черезъ часъ послѣ того я былъ уже на почтѣ и получилъ наконецъ и свой первый гонораръ и ту удивительную, отъ всѣхъ прочихъ въ мірѣ отличную толстую книгу



въ дѣвственно свѣжей обложкѣ цвѣта яичнаго желтка, гдѣ были мои стихи, показавшіеся мнѣ въ первую минуту даже какъ будто и не моими, — такъ очаровательно похожи были они на какіе-то настоящіе, прекрасные стихи какого-то настоящаго поэта. Вслѣдъ за тѣмъ мнѣ предстояло дѣло — зайти, по порученію отца, къ нѣкому Ивану Андреевичу Балавину, скупщику хлѣба, чтобы показать ему образчики нашего умолота, узнать цѣну на нихъ и, если можно, сдѣлать запродажу. И вотъ, съ почты я направился прямо къ нему, но шелъ такъ, что прохожіе мужики и мѣщане съ удивленіемъ поглядывали на молодого человека въ длинныхъ сапогахъ, въ синемъ картузѣ и такой-же поддевкѣ, который на ходу все замедлялъ шаги, а порой и совсѣмъ останавливался среди улицы, уткнувшись все въ одно и то же мѣсто развернутой передъ его глазами книги и будучи, видимо, совершенно не въ силахъ насытиться лицезрѣніемъ его . . .

Очнулся я только на базарѣ. Опять было сѣро и холодно, былъ бодрящій предзимній воздухъ, въ церквахъ звонили къ обѣднѣ, всюду кругомъ торговали и покупали, съ бодрымъ дѣловымъ разговоромъ проходили взадъ и впередъ, возбуждая желаніе ѣхать въ Москву, въ Нижній, даже хотя бы въ Орель, въ Тулу. Въ рыбномъ ряду остро пахло соленой рыбой, такъ что страстно хотѣлось быть гдѣ-нибудь на Азовскомъ морѣ, въ Ростовѣ или Царицынѣ и вспоминалась прошлая осень, когда я ходилъ на вокзалъ въ Зарѣчье встрѣчать поѣзда, чтобы наслаждаться хотя бы однимъ видомъ ихъ и мечтами о тѣхъ неизвѣстныхъ городахъ, откуда и куда ѣхали несмѣтные люди, наполнявшіе и вокзалъ и эти поѣзда. Какъ уже далеко теперь это время, думалъ я, и какъ все измѣнилось съ тѣхъ поръ, — особенно я самъ! Въ слѣдующемъ ряду, гдѣ надъ проходомъ, поперекъ него, висѣла на цѣляхъ въ воздухѣ древняя большая икона въ почернѣвшей ризѣ, въ дѣтствѣ даже нѣсколько пугавшая меня, торговали гармониками, романовской махоркой и тѣми копеечными книжками и паху-

чими, липкими, цвѣтистыми литографіями, которыя миліонами расходились въ тѣ времена по всей деревенской Руси, и на минуту я опять почувствовалъ себя тѣмъ милымъ, жалкимъ ребенкомъ, который, въ своей первой, новенькой гимназической шинелькѣ, покупалъ здѣсь Гуака, Бову Королевича, Атамана Епанчу, «истинную повѣсть» подъ заглавіемъ: «Битва русскихъ съ кабардинцами или прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ своего мужа», во всѣ глаза глядѣлъ на ослѣпительно блестящіе свѣжими густыми красками портреты широкоплечаго царя съ кудрявой русой бородой и ясными глазами на выкатъ, мундиръ котораго былъ сплошь увѣшанъ разноцвѣтными орденами, кроткой и миловидной царицы въ жемчужномъ кокошникѣ, мужественныхъ красавцевъ великихъ князей съ пробритыми подбородками и великолѣпными висячими бакенбардами... Въ Петербургѣ, въ Петербургѣ! — подумалъ я вдругъ, прибавляя шагъ.

А свиданіе съ Балавинымъ еще больше возбудило меня.

Онъ принялъ меня сперва сухо и даже недружелюбно, съ той безпричинной непріязнью, которая часто встрѣчается среди русскихъ торговыхъ людей. Амбаръ его въ хлѣбныхъ рядахъ выходилъ растворами прямо на мостовую. Приказчикъ провелъ меня по этому амбару куда-то въ глубину, къ стеклянной дверкѣ, изнутри завѣшенной кумачнымъ лоскутомъ, и несмѣло стукнулъ.

— Входи! — непріятно крикнулъ кто-то изъ-за двери.

И я вошелъ и навстрѣчу мнѣ приподнялся изъ-за большого письменнаго стола человекъ неопредѣленныхъ лѣтъ, одѣтый вполнѣ европейцемъ, съ очень чистымъ, даже какъ бы прозрачнымъ желтоватымъ лицомъ, съ бѣлесыми волосами, аккуратно причесанными на прямой рядъ, съ желтыми тонкими усами и быстрымъ взглядомъ свѣтло-зеленыхъ глазъ.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ онъ сухо и быстро.

Я сказалъ, въ чемъ, назвалъ себя, поспѣшно и неловко

вытащилъ изъ кармановъ поддевки два маленькихъ мѣшочка съ зерномъ и положилъ передъ нимъ на столъ.

— Садитесь, — какъ то вскользь сказалъ онъ, садясь за столъ и, не глядя на меня, сталъ развязывать эти мѣшочки. Развязавъ, онъ вынулъ горсточку одного зерна, подбросилъ его на ладони, потеръ въ пальцахъ и понюхалъ, потомъ сдѣлалъ то же самое съ другимъ.

— Сколько всего? — спросилъ онъ невнимательно.

— То есть четвертей? — спросилъ я.

— Да не вагоновъ же, — сказалъ онъ насмѣшливо. — Авось не такъ ужъ велики ваши экономіи . . .

Я вспыхнулъ, но онъ не далъ мнѣ отвѣтить:

— Впрочемъ, это не суть важно. Цѣны сейчасъ слабы, вы ихъ, небось, сами знаете . . .

И, назвавъ свою цѣну, предложилъ привозить хлѣбъ хоть завтра.

— Я на эту цѣну согласенъ, — сказалъ я, краснѣя. — Можно получить задатокъ?

Онъ молча вынулъ изъ бокового кармана бумажникъ, подалъ мнѣ стѣрублевую бумажку и привычнымъ, очень точнымъ жестомъ снова спряталъ его.

— Прикажете расписку? — спросилъ я, краснѣя еще болѣе отъ неловкаго удовольствія своей взрослостью и дѣловитостью.

Онъ усмѣхнулся, отвѣтилъ, что, слава Богу, Александръ Сергѣевичъ Арсеньевъ достаточно всѣмъ извѣстенъ, и, какъ бы желая дать мнѣ понять, что дѣловой разговоръ конченъ, раскрылъ лежавшій на столѣ серебряный портсигаръ и протянулъ его мнѣ.

— Благодарю васъ, я не курю, — сказалъ я.

Онъ закурилъ и опять какъ-то вскользь спросилъ:

— Это вы пишете стихи?

Я взглянулъ на него съ чрезвычайнымъ изумленіемъ, но онъ опять не далъ мнѣ отвѣтить:

— Не удивляйтесь, что я и такими дѣлами интересуюсь, — сказалъ онъ съ усмѣшкой. — Я вѣдь, съ позволе-

нія сказать, тоже поэтъ. Даже когда-то книжку выпустилъ. Теперь, понятно, лиру оставилъ въ покоѣ, — не до нея да и таланту оказалось мало, — пишу только корреспонденціи, какъ, можетъ быть, слыхали, но интересъваться литературой продолжаю, выписываю много газетъ и журналовъ... Это, если не ошибаюсь, первый вашъ дебютъ въ толстомъ журналѣ? Позвольте отъ души пожелать вамъ успѣха и посоветовать не манкировать собой.

— То есть какъ? — спросилъ я, уже совсѣмъ пораженный столь неожиданнымъ оборотомъ этого дѣлового свиданія.

— А такъ, что вамъ очень крѣпко надо подумать о своемъ будущемъ. Вы меня простите, для занятій литературой нужны и средства къ жизни и большое образованіе, а что же у васъ есть? Вотъ вспоминаю себя. Безъ ложной скромности скажу, малый я былъ не глупый, еще мальчишкой видѣлъ столько, сколько дай Богъ любому туристу, а что я писалъ? Вспоминать стыдно! Вотъ напримѣръ:

Родился я въ глуши степной,  
Въ простой и душевной хатѣ,  
Гдѣ вмѣсто мебели рѣзной  
Качались полати...

— Позвольте спросить, что за оболтусъ писалъ это? Во-первыхъ, фальшь,—ни въ какой степной хатѣ я не рожался, родился въ городѣ, во-вторыхъ, сравнивать полати съ какой-то рѣзной мебелью верхъ глупости и, въ-третьихъ, полати никогда не качаются. И развѣ я всего этого не зналъ? Прекрасно зналъ, но не говорить этого вздору не могъ, потому что былъ не развитъ, не культуренъ, а развиваться не имѣлъ возможности въ силу бѣдности... Мое почтеніе, — сказалъ онъ, вдругъ поднимаясь, протягивая мнѣ руку, крѣпко пожимая мою и пристально глядя мнѣ въ глаза. — Пусть я послужу вамъ поводомъ для серьезныхъ размышленій о себѣ. Сидѣть сиднемъ въ де-

ревнѣ, не видать жизни, пописывать и почитывать спустя рукава да все больше втягиваться въ лѣнь, въ бездѣлье— карьера не блестящая. А у васъ замѣтенъ хорошій талантъ и впечатлѣніе вы производите, простите за откровенность, очень пріятное . . .

И вдругъ опять сталъ сухъ и серьезень:

— До свиданія, — опять какъ-то невнимательно сказалъ онъ, кивкомъ головы отпуская меня и снова садясь за свой столъ. — Прошу передать поклонъ вашему батюшкѣ . . .

Такъ неожиданно получилъ я еще одно подтвержденіе своимъ тайнымъ замысламъ покинуть Батурино.

### XIII.

Замыслы эти осуществились однако не скоро.

Мечты осуществить ихъ немедля, въ столь ранніе годы, были, конечно, вздоромъ. Я и самъ понималъ это втайнѣ, и жизнь моя послѣ той памятной поѣздки въ городъ снова пошла по прежнему и даже еще болѣе безопасно, въ наслажденіи просто ея теченіемъ, смѣной дней, только время отъ времени прерываемой наирасными попытками планомѣрной работы. Я постепенно превращался, — по крайней мѣрѣ съ виду, — въ обычнаго деревенскаго юношу, который уже довольно привычно сидѣлъ въ своей усадьбѣ, не чуждаясь больше ея обыденнаго существованія, ѣздилъ на охоту, бывалъ у сосѣдей, въ дождь или вьюгу ходилъ отъ скуки на деревню, въ излюбленныя избы, короталъ время въ семейномъ кругу за самоваромъ, а не то цѣлыми часами лежалъ съ книгой на диванѣ, вслухъ мечталъ о чемъ нибудь съ сестрой, болталъ съ братьями . . . И такъ прошелъ еще годъ. А затѣмъ случилось то, что и должно было рано или поздно случиться, что въ свой срокъ приходитъ ко всякому и лорой — какъ великое бѣдствіе.

Умеръ нашъ сосѣдъ Алферовъ, жившій совсѣмъ одиноко. Братъ Николай, давно мечтавшій зажить своимъ домомъ, снялъ это опустѣвшее имѣнiе въ аренду и жилъ въ ту зиму уже не съ нами, а въ алферовской усадьбѣ. И въ числѣ его прочей прислуги была горничная Тонька. Она только что вышла замужъ, но тотчасъ послѣ свадьбы должна была, по своей бѣдности и бездомности, разлучиться съ мужемъ: онъ былъ шорникъ, и, женившись, опять пошелъ по своему бродячему заработку, а она пошла къ брату.

Ей было лѣтъ двадцать. На деревнѣ звали ее галкой, дикой, считали (за молчаливость) совсѣмъ глупой. Мнѣ же, — а я зналъ ее, конечно, съ дѣтства, какъ зналъ всю свою деревню, — она всегда нравилась. У нея былъ очень смуглый цвѣтъ кожи, ловкое и крѣпкое дѣвичье сложенеiе, маленькiя и сильныя руки и ноги, узкiй разрѣзъ черно-орѣховыхъ глазъ. Она была похожа на индианку: прямая, но грубоватая черта темнаго лица, грубая смоль плоскихъ волосъ. Но и въ этомъ я находилъ какую-то прелесть, хотя и впрямь нѣсколько дикарскую. Что до глупости, то глупостей я отъ нея не слышалъ. — можетъ быть, потому, что говорила она только самое необходимое и обыденное (а молчала такъ легко и просто, какъ будто была безсловесной).

Я чуть не каждый день бывалъ у брата, любовался ею, любилъ даже то, какъ крѣпко и быстро она топаетъ ногами, неся на столъ самоваръ или миску съ супомъ, какъ бессмысленно взглядываетъ: этотъ топотъ и взглядъ, грубая чернота волосъ, прямой рядъ которыхъ былъ виденъ подъ оранжевымъ платкомъ, немного плоскiя сизыя губы слегка удлиненнаго рта, смуглая молодая шея, покато переходящая въ плечи, все неизмѣнно вызывало во мнѣ томительно-сладкое безпокойство. Случалось, что, встрѣтаясь съ ней гдѣ нибудь въ прихожей, въ сѣняхъ, я, шутя, ловилъ ее находу, прижималъ къ стѣнѣ . . . Она, молча смѣясь, ловко выскальзывала — и тѣмъ дѣло и кончалось. Ни-

какихъ любовныхъ чувствъ мы другъ къ другу не испытывали.

Но вотъ, гуляя какъ-то въ мягкія зимнія сумерки по деревнѣ, я разсѣянно свернулъ во дворъ алферовской усадьбы, прошелъ среди сугробовъ къ дому, поднялся на крыльцо. Въ прихожей, совсѣмъ темной, особенно сверху, сумрачно и фантастично, точно въ черной пещерѣ, краснѣла грудой раскаленныхъ углей только что истопленная печка, а Тонька, безъ платка, вытянувъ слегка раздвинутыя босыя ноги, берцы которыхъ блестяли противъ свѣта своей гладкой кожей, сидѣла на полу прямо противъ ея устья, вся въ ея пламенно-темномъ озареніи, держала въ рукахъ кочергу, огненно-бѣлый конецъ которой лежалъ на угляхъ, и, слегка отклонивъ отъ палящаго жара такое-же темно-пламенное лицо, полусонно смотрѣла на эти угли, на ихъ малиновыя, хрупко-прозрачныя горки, кое-гдѣ уже меркнувшія подъ сиреневымъ тонкимъ налетомъ, а кое-гдѣ еще горѣвшія сине-зеленымъ эфиромъ. Я, входя, стукнулъ дверью — она даже не обернулась.

— Что-й-то у васъ темно, ай дома никого нѣту? — спросилъ я, подходя къ ней.

Она еще больше откинула лицо назадъ и, не глядя на меня, какъ-то неловко и томно усмѣхнулась.

— Будто не знаете! — сказала она насмѣшливо и слегка двинула кочергой въ печку.

— Что не знаю?

— Да ужъ будетъ, будетъ...

— Что будетъ?

— Да какъ же вы можете не знать, гдѣ они, когда они къ вамъ пошли

— Я гулялъ, не видалъ ихъ.

— Знаемъ мы ваше гулянье...

Я присѣлъ на корточки, посматривая на ея ноги и раскрытую черную голову, уже весь внутренно дрожа, но смѣясь и притворяясь, что тоже люблюсь на угли, на ихъ жаркій багряно-темный свѣтъ... потомъ неожиданнѣ

сѣлъ рядомъ съ нею, обнялъ и завалилъ ее на полъ, поймалъ ея уклоняющіяся горячія отъ огня губы... Кочерга загремѣла, изъ печки посыпались искры...

На крыльцо я выскочилъ послѣ того съ видомъ чело-вѣка, неожиданно совершившаго убійство, перевелъ дыханье и быстро оглянулся, — не идетъ-ли кто? Но никого не было, все, къ удивленію, было просто и тихо; на деревнѣ, въ обычной зимней темнотѣ, съ неправдоподобнымъ спокойствіемъ, — точно ничего и не случилось, — горѣли по избамъ огни... Я взглянулъ, прислушался — и быстро пошелъ прочь со двора, не чуя земли подъ собой отъ двухъ совершенно противоположныхъ чувствъ: страшной, непоправимой катастрофы, внезапно совершившейся въ моей жизни, и какого-то ликующаго, побѣдоноснаго тер-жества...

Ночью, сквозь тревожный сонъ, меня то и дѣло томила смертельная тоска, чувство чего-то ужаснаго, преступнаго и постыднаго, внезапно погубившаго меня. Да, все пропало! — думалъ я, просыпаясь, съ трудомъ приходя къ себѣ. — Все, все пропало, все погублено, испорчено, но, видно, такъ тому и быть, все равно теперь уже не поправишь, не воротишь. И страшнѣй всего то, что нельзя и некому даже слова сказать объ этомъ: всѣ спятъ и ничего не знаютъ, ничего не подозрѣваютъ даже, а главное, я всѣмъ, всѣмъ теперь чуждъ, одинокъ во всемъ мірѣ...

Проснувшись утромъ, я какими-то совсѣмъ новыми глазами взглянулъ вокругъ, на эту столь знакомую мнѣ комнату, ровно освѣщенную свѣжимъ снѣгомъ, выпавшимъ за ночь: солнца не было, но въ комнатѣ было очень свѣтло отъ его яркой бѣлизны. Первая мысль, съ которой я открылъ глаза, была, конечно, о томъ, что случилось. Но мысль эта уже не испугала меня, ни тоски, ни отчаянія, ни стыда, ни чувства преступности въ душѣ уже не было. Напротивъ. Какъ же я теперь выйду къ чаю? — подумалъ я. — И вообще какъ теперь быть? Но никакъ не быть, подумалъ я, никто ничего



не знает и не узнает никогда, а на свѣтѣ все по-прежнему и даже особенно хорошо: на дворѣ этотъ любимый мной, тихій бѣлый день, садъ, космато оснѣженный по голымъ сучьямъ, весь заваленъ бѣлыми сугробами, въ комнатѣ тепло отъ кѣмъ-то затопленной, пока я спалъ, и теперь ровно гудящей и потрескивающей печки, съ дрожью тянущей въ себя мѣдную заслонку... горько и свѣжо пахнетъ сквозь тепло мерзлымъ и оттаивающимъ осиновымъ хвостомъ, лежащимъ возлѣ нея на полу... А случилось только то законное, необходимое, что и должно было случиться, — вѣдь мнѣ уже семнадцать лѣтъ и чѣмъ же я хуже другихъ? Я не только не хуже, но даже лучше ихъ и вотъ наконецъ и въ этомъ сравнялся съ ними. И меня опять охватило чувство торжества, гордости, счастья, — вотъ я и мужчина и у меня есть любовница. Какъ глупо все, что лѣзло мнѣ въ голову ночью! Какъ это дивно и ужасно, то, что было вчера! И это опять будетъ, можетъ быть, даже нынче же! Съ какимъ милымъ, неожиданно дѣтскимъ испугомъ, съ какой явной безнадежностью успѣла она прошептать что-то быстрое, умоляющее! Ахъ, какъ я люблю и буду любить ее!

#### XIV.

Съ этого дня началось для меня ужасное время.

Это было настоящее помѣшательство, всецѣло поглощавшее всѣ мои душевныя и тѣлесныя силы, жизнь только минутами страсти или ожиданіемъ ихъ и муками жесточайшей ревности, совершенно разрывавшей мнѣ сердце, когда къ Тонькѣ приходилъ повидаться мужъ и она должна была по вечерамъ уходить изъ дому, гдѣ она спала обычно, спать съ нимъ въ людскую.

Любила ли она меня? Первое время любила, была сокровенно, но такъ счастлива этой любовью, что не могла, сколько ни старалась, скрыть своего тайнаго восхищенья мною, блеска своихъ узкихъ опущенныхъ глазъ, даже ко-

гда видѣла меня при братѣ и невѣсткѣ, прислуживая намъ. Потомъ то любила, то нѣтъ, — временами бывала не только равнодушна, холодна, но даже враждебна, — и эти постоянныя смѣны чувствъ, всегда непонятныя, неожиданныя, совершенно изнуряли меня. Я порой тяжело ненавидѣлъ ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ даже и тогда одна мысль о ея темно-серебряныхъ сережкахъ, о томъ нѣжномъ и миломъ, еще очень юномъ, что было въ ея губахъ, въ овалѣ нижней части лица и въ опущенныхъ узкихъ глазахъ, одно воспоминаніе о грубомъ запахѣ ея волосъ, смѣшанномъ съ запахомъ платка, тѣла и дыханія, приводило меня въ трепеть. Я готовъ былъ тогда — и даже съ какой-то жадной радостью — на всякое униженіе передъ нею, лишь бы хоть на минуту возвратились первые счастливые дни нашей близости.

Я всѣми силами старался жить хотя бы съ виду маломальски пристойно, хотя бы въ нѣкоторой мѣрѣ такъ, какъ жилъ когда-то, но всѣ дни мои уже давно превратились именно только въ жалкую видимость моей прежней жизни.

Прошла зима, наступила весна, стоялъ уже май, — я ничего не замѣчалъ. Помню, я зачѣмъ-то упорно изучалъ англійскій языкъ... Зачѣмъ?

---

Богъ спасъ меня неожиданно.

Былъ чудесный майскій день. Я сидѣлъ съ англійскимъ учебникомъ въ рукахъ возлѣ поднятаго окна въ своей комнатѣ. Рядомъ со мной, на балконѣ, слышались голоса братьевъ, невѣстки и матери. Я разсѣянно слушалъ и, тупо глядя въ книгу, думалъ самыя безнадежныя думы. Такъ и подмывало сбѣгать хоть на минуту въ алферовскую усадьбу, благо братъ съ женой у насъ и Тонька, вѣрно, одна въ домѣ. И вмѣстѣ съ тѣмъ душу давило такое тяжкое сознаніе своего крайняго паденія, было такъ горькое и больно, такъ жаль себя, своей погибающей молодости,

что приходили въ голову и казались счастьемъ мысли о смерти. Садъ то сіялъ жаркимъ солнцемъ и гудѣлъ пчелами, то стоялъ въ какой-то тончайшей и необъятной голубой тѣни: въ бесконечно-высокой, еще молодой, весенней и вмѣстѣ съ тѣмъ яркой и густой синевѣ порой круглилось, закрывало солнце бесконечно высокое крупное облако, и воздухъ медленно темнѣлъ, синѣлъ, небо казалось еще больше, еще выше, и въ этой вышинѣ, въ счастливой весенней пустотѣ міра, начинало вдругъ какъ - то благостно и величественно, съ постепенно возрастающей и катящейся звучностью и гулкостью, погромыхивать... Я взялъ карандашъ и, все думая о смерти, сталъ писать на учебникѣ:

И вновь, и вновь надъ вашей головой,  
 Межъ облаковъ и синей тьмы древесной,  
 Налетѣть высь эдемской синевой,  
 Блаженной, чистою, небесной,  
 И вновь, круглясь, заблещутъ облака  
 Изъ-за деревьевъ горними снѣгами  
 И шмель замретъ на вѣнчикѣ цвѣтка  
 И загремитъ державными громами  
 Весенній богъ, а я — гдѣ буду я?

— Ты дома? — какимъ-то строгимъ, необычнымъ тономъ сказалъ братъ Николай, подходя къ моему окну. — Выйди-ка ко мнѣ на минутку, мнѣ нужно кое-что сказать тебѣ...

Я почувствовалъ, что блѣднѣю, однако всталъ и выпрыгнулъ въ окно.

— Что сказать? — спросилъ я неестественно спокойно.

— Пойдемъ немного пройдемся, — сухо сказалъ онъ, идя впереди меня внизъ, къ пруду. — Только, пожалуйста, отнесись къ моимъ словамъ разумно...

И, приостановившись, обернулся ко мнѣ:

— Вотъ что, другъ мой, ты, конечно понимаешь, что вся эта исторія уже давно ни для кого не тайна...

— То есть какая исторія? — съ трудомъ, но рѣзко спросилъ я.

— Ну, ты отлично понимаешь... Такъ вотъ, я и хочу тебя предупредить: я ее нынче утромъ разсчиталъ. Иначе дѣло кончилось бы, вѣроятно, смертоубійствомъ. Онъ вчера вернулся и пришелъ прямо ко мнѣ. «Николай Александровичъ, я все давно знаю, отпустите Антонину сію же минуту, не то плохо будетъ...» И, понимаешь, бѣлый, какъ мѣль, губы такъ пересохли, что едва говорить... Очень софѣтую тебѣ опомниться и не пытаться больше ее видѣть. Да впрочемъ это и бесполезно — нынче они уѣзжаютъ куда-то подъ Ливны...

Я не сказалъ ни слова въ отвѣтъ, обошелъ его и пошелъ къ пруду, сѣлъ въ травѣ на берегу подъ молодыми блестящими вѣтвями ивъ, дугой склонявшихся къ зеркально-свѣтлой, серебристой водѣ... Опять величественно загремѣло гдѣ-то въ бездонной пустой вышинѣ, потомъ вдругъ что-то крупно и быстро зашуршало, кругомъ запахло мокрой свѣжестью весенней зелени... Прямой, рѣдкій дождь длинными стеклянными нитями засверкалъ изъ новаго большаго облака, безконечно высоко вставшаго надъ самой моей головой своими снѣжными клубами, и по недвижной и ровной поверхности зеркально-бѣлой воды, быстро шумя и пестря ее темными точками, запрыгали безчисленные гвозди...

**Ив. Бунинъ.**